

В.П.Григорьев

Паронимическая аттракция

Из книги “Поэтика слова”

[Две значительные по объему публикации - Григорьев В.П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и Григорьев В.П. Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977 - позволяют в этой главе не останавливаться на ряде вопросов, подробно освещенных там, и ограничить иллюстративный материал. О роли паронимии в языке см. Критенко А. П. Паронимия и ее роль в языке. Автореф. канд. дис. Киев, 1974]

§19. Паронимический “взрыв” в русской поэзии XX в. его последствия для поэтического языка и его теории

19. 0. Вводные замечания. Историография проблемы

В истории поэзии бывают удивительные пересечения с наукой о ней. К 1909 г. Ф. де Соссюр, после нескольких лет усиленных занятий анаграммами в поэзии на древних индоевропейских языках, почти разуверился в том, что занимавший его объект — истинный, что поэты древности сознательно использовали прием подбора слов текста в зависимости от звукового состава ключевого слова (см. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976, 251—267). Как большой ученый, Соссюр не опубликовал свой труд, доказательность которого осталась проблематичной для самого автора. (К сожалению, даже гипотеза эта стала известной лишь спустя несколько десятилетий) [См. в этой связи *Nava Giuseppe: Lettres de Ferdinand de Saussure a Giovanni Pascoli. // Cahiers Ferdinand de Saussure, 1968, t. 24*]. Но как раз в 1908 г., на другом конце Европы, состоялся поэтический дебют Хлебникова, с именем которого в русской поэзии связано интенсивное распространение особого типа анаграмматических построений — различных способов паронимической аттракции [Параллель между Соссюром и Хлебниковым см. и в работе *Jakobson R. Structures linguistiques subliminales en poesie. // Poétique, 1971, N 7. Параллель (тоже специально анаграмматическую) между Соссюром и Малларме подробно анализировал Вундерли - Wunderli P. Ferdinand de Saussure und die Anagramme: Linguistik und Literatur. Tübingen, 1972, 141—150 (эта работа — фундаментальный комментарий к соссюровским анаграмматическим идеям, — к сожалению, не использует опыт русской филологии и поэзии)].*

Когда сейчас лингвист анализирует почти рядовые — в некотором смысле — для современной русской поэзии строчки типа “В наемной *своре* вспыхивает *свара*” (Е.Долматовский) и “В солдатском сердце *замер зуммер*” (М.Дудин) или более редкие случаи “паронимических композитов”, например, “*Баклажаны бока отлежали*” (Н. Матвеева), приходит и такая мысль: опубликуй Соссюр эти свои материалы и сомнения еще при жизни — и, может быть, уже в конце 10-х годов О.М.Брик, В.М.Жирмунский или другой отечественный филолог обратил бы внимание не только на традиционные звуковые повторы, а лингвистика в наши дни менее заметно отставала бы от живых процессов в поэтической мысли и слове.

Интерес лингвистической поэтики (ЛП) к поэтической древности вполне актуален и способен повлиять как на общую филологическую теорию, так и на “стилевую политику” и “языковую критику”, поскольку условная синхрония современного поэтического языка (ПЯ) в скрытом или явном виде, в свернутой или распространенной форме, в преобразованном или почти неизменном качестве всегда содержит в себе, пусть функционально и идеологически переосмысленный, но уже пройденный этим ПЯ путь исторического развития. То, что “открытия повторяются”, что паронимия, например, принадлежит к кругу давно известных риторике и поэтике приемов, нисколько не мешает ни очередному обогащению приема в новую литературную эпоху, ни конкретным эстетическим достижениям идиостиля, исповедующего или отрицающего данный прием (“плюс- и минус-приемы”). Позиция филолога или критика, провозглашающих “это уже было!”, видящих в новациях ПЯ лишь эпигонство и отказывающих эксперименту в праве на одну из самых глубоких традиций искусства и науки, а себе — в интересе к нему, была бы недостойна исследователя и участника процессов развития культуры.

Литературоведение по существу или не замечает паронимической аттракции, или не спешит ввести ее в круг объектов исследования [См. *Поспелов Г.Н. Художественная речь. Лекции по курсу “Введение в литературоведение”, вып. 4. М.: Изд-во МГУ, 1974; Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблема рифмы. М.: Наука, 1973; Словарь литературоведческих терминов. / Ред.-сост. Л.И.Тимофеев и С.В.Тураев. М.: Просвещение, 1974, 88—89, хотя в рамках “Техники стиха” этот прием давно фиксируется (см. *Шенгели Г. А. Техника стиха. М.: Гослитиздат, 1960*). В словаре *Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969* термины *паронимическая аттракция, паронимазия* (анноминация) и *этимология народная* даны не в*

приложении (сост. В.Ф.Беляев), а в основной части (см. с. 313 и 529), но первый и третий из этих терминов прямолинейно синонимизированы. Термин Якобсона *поэтическая этимология* (см. *Винокур Г.* Культура. языка. М.: Федерация, 1929, 311; ср. *статическая этимология* — *Fonagy Ivan.* Form and function of poetic language. // *Diogenes*, [Montreal], 1965, N 51, 102 со ссылкой на Якобсона) и термины *звукообраз* и *звуковая метафора* (см. *Белый А.* Жезл Аарона: О слове в поэзии. // Скифы. СПб., 1917, кн. 1, 187 и *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965, 149) в указанных словарях отсутствуют. Несколько лучше обстоит дело в словаре *Квятковский А.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1961, но см. *Григорьев В. П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (сн. 3). Тридцать лет назад в учебнике Реформатского - *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Учпедгиз, 1947, 33 - слово *пароним* появлялось со значением, близким к значению “квазисиноним”; именно это значение получило в последние годы особую популярность в ортологической литературе (см. *Вишнякова О.В.* Паронимы в русском языке. М.; Высш. школа, 1974]. Классическая лингвистика до последнего десятилетия тоже не командировала в это “дикое поле” ни семантиков, ни фонологов. Необходимо в этой связи признать, что и отечественная ЛП в свое время недоценила такие работы, как “Звуковые повторы” (*Брик О.М.* Звуковые повторы. // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: Опояз, 1919, вып. 1-2) и “Проблема стихотворного языка” (*Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965; см. особенно с. 147—156), а также отдельные наблюдения над особенностями языка Хлебникова уже в работе “Новейшая русская поэзия” (*Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия: набросок первый: Виктор Хлебников. Прага: Политика, 1921, 45 и след.; ср. *Jakobson R.* Linguistics and poetics. // *Style in language.* / Ed. Th.A.Sebeok. Cambridge; Mass.: MIT Press, 1960 (Рус. пер. — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика. // Структурализм: “за” и “против”. Сб. статей. М.: Прогресс, 1975); *Jakobson R.* Quest for the essence of language. // *Diogenes*, [Montreal], 1965, N 51; *Jakobson R.* Structures linguistiques subliminales en poesie. // *Poetique*, 1971, N 7; *Jakobson R.* Questions de poétique. Paris: Seuil, 1973), значимые для исследования особой поэтической семантизации, которой так часто теперь подвергаются близкозвучные слова в стихотворной речи.

Как известно и как не раз увидим ниже, для паронимии существенна коллизия между фонетикой и орфографией. Между тем исследователи считают симптоматичным, что лингвистика по меньшей мере до 40-х годов обнаруживала очень мало понимания письменного языка, как до известной степени самостоятельно развивающейся системы (см. *Vachek J.* Written language. The Hague; Paris: Mouton, 1973, 9 и др.).

Понадобилась публикация материалов сосюрковского архива (см. литературу в работах *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976; *Starobinski J.* Les mots sous les mots: Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris: Gallimard, 1971; *Wunderli P.* Ferdinand de Saussure und die Anagramme: Linguistik und Literatur. Tübingen: Niemeyer, 1972.; *Dacrot O., Todorov Tz.* Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage. Paris: Seuil, 1972.; *Иванов Вяч. Вс.* Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама. // *Russian literature*, [The Hague], 1972, N 3) [Ср. куда более бедную литературу, которая могла быть указана в комментариях к работе *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1965, 361 (поучительно сравнить 2-ое издание этой книги. М., 1968). В общем труде *Панов М. В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967 паронимия и звуковые повторы, к сожалению, оставлены вне рассмотрения], чтобы различного рода анаграмматические построения стали полноправным предметом языковедческого анализа (см. *Vares K.* On the anagram and its functions. // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 1976, N. 2 — анаграммы в английской литературе Средних веков [Ср. лишь отдельные случаи анализа анаграмм при обращении к литературе Нового времени в предшествующие десятилетия. Примером может служить анализ слова *silent* в сонете Китса (см. *Lynch J.* The tonality of lyric poetry: An experiment in method. // *Word*, 1953, vol. 9)]; *Vetzel H.* Klang und Bild in der Dichtungen Georg Trakls. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1968 — звуковые образы в поэзии Траля; *Giuraud P.* Structures etymologiques du lexique francais. Paris: Larousse, 1967 — гл. IV; особенно — *Иванов Вяч. Вс.* Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама. // *Russian literature*, [The Hague], 1972, N 3 и мн. др.). Это внимание несомненно связано и с тем, что в отношении текста была более глубоко осознана недостаточность описания имманентной организации его отдельных уровней, что в явном виде была сформулирована задача изучать художественный текст во всех связях между его разноуровневыми структурами (см. *Иванов В.В., Лотман Ю.М.; Топоров В.Н., Успенский Б.А.* Тезисы к семиотическому изучению культуры: В применении к славянским текстам. // *Semiotyka i struktura tekstu*. Wrocław...: Ossolineum, 1973, 30).

В то же время чаще всего без видимого влияния сосюрковских идей или работ Брика и Якобсона продолжалась — в отечественной традиции — серия конкретных попыток так или иначе описать некоторые факты взаимодействия по-разному понимаемых паронимов, паронимической аттракции или связи звука и смысла под самыми разными углами зрения. Не претендуя на исчерпывающий охват относящихся сюда работ, назовем хотя бы следующие: *Баевский В.С.* Фоника стихотворного перевода: анаграммы. // Проблемы стилистики и перевода. Смоленск, 1976 (Смол. пед. ин-т) [См. также *Баевский В.С., Кошелев А.Д.* Поэтика Некрасова: анаграммы. //

Н.А. Некрасов и его время. Калининград, 1975, вып. 1, где предпринята попытка статистическим путем проверить гипотезу Соссюра]; *Гельгардт Р.Р.* О лексической ассимиляции в связи с ложной этимологией. // Рус. язык в школе, 1956, № 3; *Гербстман А.И.* О звуковом строении народной загадки. // Рус. фольклор. М.; Л.: Наука, 1968, т. 11; *Евграфова А.А.* Стилистическое использование паронимии разных типов. // Исследования по русскому и украинскому языкам. Днепропетровск, 1973 (Днепр. ун-т); *Кононова Н. С.* О паронимической аттракции в художественной речи. // Сб. науч. статей Гродненск. пед. ин-та. Минск: Высшая школа, 1974, вып. 2; *Кузнецова И.Н.* О паронимии. // Вестник МГУ. Сер. Филология, 1976, № 1; *Литвин Ф. А.* Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи. // Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975 (Владим. пед. ин-т); *Невзглядова Е.В.* О звуко-смысловых связях в поэзии. // Филол. науки, 1968, № 4; *Невзглядова Е.В.* Явление семантического осложнения в поэтической речи. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1969, № 2; *Невзглядова Е.В.* О звуке в поэтической речи. // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В.Виноградова. Л.: Наука, 1971; *Норман Б.Ю.* Аб дзеяслоунай параніміі. // Белоруская лінгвістыка. Минск, 1973, вып. 4 (Ин-т мовознаўства АН БССР); Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973; *Радзиховская В.К.* К вопросу об экспрессивном словообразовании в области русского глагола: На материале поэтической речи В. В. Маяковского. // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973 (МГПИ им. Ленина); *Самохвалова В.И.* Использование фонетических приемов для передачи содержания в поэтическом высказывании. // Языковая практика и теория языка. М.: Изд-во МГУ, 1974, вып. 1; *Седых Г.И.* Звук и смысл: О функциях фонем в поэтическом тексте: На примере анализа стихотворения М. Цветаевой “Психея”. // Филол. науки, 1973, № 1; *Федотов О.И.* Рифма и звуковой повтор. // Метод и стиль писателя. Владимир, 1976 (Владим. пед. ин-т); *Ханцира Эр.* Окказиональные элементы в современной речи. // Стилистические исследования: На материале совр. рус. языка. М.: Наука, 1972, 279—284; *Шаламов В.Т.* Звуковой повтор — поиск смысла: Заметки о стиховой гармонии. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7 [См. об этой работе *Гиндин С.И.* Послесловие к статье В.Т.Шаламова. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7 и *Шрейдер Ю.А.* Соображения о стиховой гармонии. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7. Собственно паронимический аспект в поэтических рассуждениях В.Т.Шаламова и конкретную историю русской поэзии в XX в. эти комментарии, к сожалению, почти не затрагивают]; *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973; *Щепин А.Г.* Сочетания слов с одинаково или сходно звучащими корнями и стилистические функции этих сочетаний в русском языке. // Вопросы грамматики и стилистики русского языка. Хабаровск, 1965 (Хабаров, пед. ин-т). К ним примыкает группа работ, отличающихся своими установками культурно-речевого характера (в том числе ряд словарей) : *Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.* Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. М.: Сов. энциклопедия, 1968; *Вишнякова О.В.* Паронимы в русском языке. М.; Высш. школа, 1974; *Голуб И.Б.* Стилистика современного русского языка: Лексика. Фоника. М.: Высш. школа, 1976; *Колесников Н.П.* Словарь паронимов русского языка. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1971.

Если мы соотнесем эти работы с работой О.М.Брика, то обнаружим возросшее внимание именно к исследованию связей между звуковыми повторами и их смысловыми функциями в тексте. Уже в статье *Иванов В.[И.]* К проблеме звукообраза у Пушкина. // Московский пушкинист. М.: Федерация, 1930, кн. 2 легко заметить почти “соссюровский” подход к звукообразам Пушкина. Анализ некоторых звукообразов у Маяковского подтвердил важное значение для его идиостиля так называемой “поэтической этимологии”, которая, по не совсем удачному выражению исследователя, “играя на случайном звуковом сходстве слов, наводит на мысль о их мнимом (!) родстве по корню” (*Фаворин В.Н.* Заметки о языковом новаторстве Маяковского. // Изв. Иркутск, пед. Ин-та. Иркутск, 1937, вып. 3, 99; см. также развитие этих наблюдений в работе *Ханцира Эр.* Окказиональные элементы в современной речи. // Стилистические исследования: На материале совр. рус. языка. М.: Наука, 1972, 280 и след.) [Ср. также существенные наблюдения в работе *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970, 222—227].

Помимо всего прочего перечисленные выше работы 60—70-х годов характеризовало в целом более настойчивое обращение к фактам современного ПЯ. Рецензируя в 1919 г. два первых сборника по теории ПЯ, объединенных названием “Поэтика”, В.М.Жирмунский отметил, оценивая статью Брика, “чрезвычайно важное открытие звуковых повторов” и приветствовал интерес авторов (среди которых были Е.Д.Поливанов и Л.П.Якубинский) к звуковой стороне стиха, “столь плодотворный по своим результатам” (*Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. Л.: Аcaademia, 1928, 342; см. там же позднейшее примечание автора). Но работа Брика строилась исключительно на материале поэзии XIX в., в основном — его первой половины. Ни он сам, ни его рецензент не обратили тогда же внимания на новые семантические и собственно художественные функции звуковых повторов в современной поэзии. Этот факт нуждается в объяснении.

Для В.М.Жирмунского, возможно, некоторым препятствием послужило то предпочтение, которое он отдавал поэзии акмеистов перед “будетлянами”. Даже у Мандельштама, на которого в отношении паронимической аттракции сильно повлиял Хлебников (как и в некоторых других

важных аспектах ПЯ), то, что сейчас называют “анаграмматическими построениями”, появляется не сразу, а главным образом начиная с 20-х годов [Ср., впрочем, и в стихотворении 1919 г. “В хрустальном омуте какая крутизна!..” сопоставление сочетаний “хрусталь высоких нот” и “с христианских гор” (в соседних строчках). К 1920 г. относится строчка *Невероятные свои варьянты* (“Феодосия”)]. Тем более уводило исследователей от фактов функционального преобразования звуковых повторов творчество Ахматовой, для которой паронимическая аттракция никогда не была особо значимым в ее идиостиле художественным приемом.

Еще труднее объяснить исследовательскую позицию Брика. Ведь он сам выделил в кругу проанализированных им звуковых повторов несколько “звукообразных повторений” типа *темно — туман, клонить — колени*, а также *плач — печаль, гусли — глас (голос)* [Все эти и другие подобные сложившиеся “формульные” сближения (или еще только становящиеся устойчивыми; это требует специального исследования) в целом почти не использовались поэтами первой половины XIX в. в той функции, которая стала доминирующей у “будетлян”, а опробовали которую уже старшие символисты, Блок и некоторые другие поэты на стыке веков]. Почему же и он не соотнес свои наблюдения с художественной практикой столь близких ему “будетлян”, если не Хлебникова, то Маяковского, если не в этой своей работе, то хотя бы позднее, уже после некролога “В.В.Хлебников”, в котором Маяковский четко противопоставил поэтическую норму Хлебникова поэтической норме Бальмонта как раз по признаку семантизации звуковых повторов? [См. об этом *Григорьев В. П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977] Почему он довольствовался общей догадкой, остановившись перед наиболее существенным, как сейчас кажется, в его материалах: “Построение образов по принципу формального сочетания (близкозвучных слов. — *В.Г.*), по-видимому, также существует. <...> Однако эта область поэтического творчества еще настолько мало исследована, что приходится пока воздержаться от широких обобщений” (*Брик О. М.* Звуковые повторы. — В кн.: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: Опояз, 1919, вып. 1-2, 97, ср. с. 76—79)?

Можно — в общей форме — дать несколько, недостаточных тем не менее, ответов на эти вопросы. Несомненно, прав был поэт, утверждая: “Большое видится на расстояньи”. Но Маяковский уже в 1922 г. осознал (если не теоретически, то заостренно-полюемически) то новое в этой области, что принесло в поэзию его собственное творчество и творчество Хлебникова. Блок еще в 1911 г. отмечал, что “Бальмонт и вслед за ним многие современники *вульгаризировали* аллитерацию” (цит. по *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970, 223; курсив Блока). А замечание Хлебникова в его письме к А.Е.Крученых, относящемся к началу 1913 г. (*Хл V*, 298), о том, что в русской поэзии “созвучия имеют арабский корень”, обобщало и практику “будетлян”, что называется, по горячим следам (ср. глубокую догадку: “аллитерация — понятие морфологическое” — *Белый А.* Жезл Аарона: О слове в поэзии. // Скифы. СПб., 1917, кн. 1, 179).

Эти факты подсказывают и другой ответ. Академическая филология не накопила еще опыта оперативного анализа и осмысления процессов в развитии современного ПЯ [И вне ее острые характеристики, содержащиеся, скажем, в работе “Творчество и критика” (Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922. СПб.: Колос, 1922), при всей меткости отдельных наблюдений, не опирались на анализ ПЯ в специфике его развития. Ср. также участие Р.Ф.Брандта в сб. Критика о творчестве Игоря Северянина. М.: В.В.Пашуканис, 1916], очень слабо осознавалась необходимость разработать теоретические основы актуальной “языковой критики” (но ср. *Винокур Г.* Культура. языка. М.: Федерация, 1929), редкими оставались и квалифицированные обзоры типа замечательного “Промежутка” (1924; см. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977, 168—195). Критика ОПОЯЗа — в обоих смыслах этого словосочетания — не привела здесь к принципиальной переориентации ЛП и филологии в целом, так что лингвисты и литературоведы, можно сказать, все еще “воздерживаются от широких обобщений” в этой области.

Наконец, следует обратить внимание и на те последствия, к которым привело существенное расширение предмета традиционных филологических исследований именно в первые десятилетия нашего века (см. выше, главу I). Эта все еще расширяющаяся “филологическая вселенная” (прежде всего — лингвистическая) выявила столько новых объектов и новых стыков между известными, казалось бы, областями, что тот же Брик, например, предпочел вскоре обратиться к проблеме взаимоотношений между ритмом и синтаксисом, а не развивать свою работу о звуковых повторах (см. *Леонтьев А.А.* Исследования поэтической речи. // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968). В целом “нормативная точка зрения” на однокорневую “паронимию” до сих пор подчиняет “объективную точку зрения” на “парономасию”.

Повторим, что эти ответы, очевидно, недостаточны. Тем не менее они позволяют отметить и значительную группу исследований в области “звукового символизма”, которые в последние годы были обобщены в работах *Левицкий В.В.* Семантика и фонетика. Черновцы, 1973 (Чернов, ун-т) и *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, но, естественно, будут продолжаться и независимо от отдельных соприкосновений с занимающей нас проблематикой

паронимической аттракции [Существенны, в частности, как увидим далее, такие понятия, используемые в этом психолингвистическом направлении исследований, как “звукобуквенный психический образ” и “звукобуквы” (Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, 36 и 99), утверждение, что аллитерации поэты всегда строят с учетом не только звуков, но и букв (с. 99), а также форма термина “квазислова”, значение которого относится лишь к единицам, специально сконструированным экспериментатором (с. 118). Показателен устанавливаемый психолингвистами — в случае корреляции в языке между фонетическими и семантическими связями слов — “закон семантического сближения фонетически подобных слов” (Быстрова Л.В., Левицкий В.В. Фонетическое сходство семантически связанных слов. // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1973, Bd. 26, N 6, 598)]. Даже полемика между московской и ленинградской фонологическими школами должна быть учтена в том широком контексте, в котором реально существует, развивается и осмысливается сейчас паронимическая аттракция, например, спор по поводу так называемых “минимальных пар”, которые получили характерное название “квазиомонимов” (см. Зиндер Л.Р. О “минимальных парах”. // Язык и человек. М.: Изд-во МГУ, 1970). А это в свою очередь прямо или косвенно указывает на проблему рифмы (см., например, Жирмунский В. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975; Самойлов Д. Наблюдения над рифмой. // Вопр. лит., 1970, № 6 и Самойлов Д. Книга о русской рифме. М.: Худож. лит., 1973; материалы и литературу в сб. Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky. The Hague; Paris: Mouton, 1973), которая была и остается доминирующим филологическим объектом среди звуковых повторов, оттягивая на себя едва ли не основные стиховедческие силы, но пока слабо связывается с проблематикой “звукообразов”.

Нет необходимости приводить многочисленные свидетельства постепенного осознания того, что “проблема о значении эфонических конструкций почти совсем не разработана в теоретической поэтике” (Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Поэтическое искусство Блока. М.: Никитинские субботники, 1926, 107), и продолжающихся колебаний: кто же в конце концов — литературовед или лингвист должен повести этого коня в “стойло филологии” (ср. Виноградов И. Вопросы марксистской поэтики. Избр. работы. М.: Сов. писатель, 1972 / Вступ. статья М.Полякова 1972, 324—325 [И.Виноградов приводит здесь свои наблюдения над строчками Асеева (“Со сталелитейного стали лететь”) а Пастернака (“<...> плеснув, уплывает звоночек | Сплошным извиненьем <...>”), комментируя: “Звуковой комплекс *звоночек* — *звн* — повторяется в слове *извиненьем* не только звуковым, но как бы и смысловым отзвуком”] и предисловие М.Полякова — с. 31—32)? Характерен в какой-то мере и комментарий лингвиста к ответам П.Валери и А. Мейе на вопрос Л.Кледа о правомерности поэта по-своему осмысливать фоно-морфологическое членение слова (Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высш. школа, 1967, 103—105) — комментарий, оставляющий неясным, имел ли все-таки поэт право, с точки зрения лингвистики (и, может быть, ЛП), членить в стихе некоторое слово по-своему, вопреки исторической и современной грамматике литературного языка.

Между тем естественно-положительный ответ вытекает хотя бы из многочисленных бытовых и полемических шуток 10-х годов типа *Семен просеменил в просеминарий* (о С.А.Венгерове; см. Эйхенбаум Б. Мой современник: Словесность, наука, критика, смесь. Л.: Изд-во писателей, 1929, 38) [Ср. там же, с. 17 сопоставление ВРУ (Воронежское реальное училище) — ЛГУ] или “Мы не *развенчиваем* старое искусство, мы его *развинчиваем* для анализа” [Как “говорили в ОПОЯЗе” (по словам В.Шкловского в кн.: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966, с. 54). Ср. там же метафору-сравнение (СрМтф) в *могилу ссылки* (с. 56). Каламбур о Венгерове приводится и в “Египетской марке” Мандельштама.]. Опоязовцы-литературоведы, даже специально занимаясь вопросом о звуках и звуковых повторах в стихе, в ранних своих работах все же чаще всего останавливались перед вопросом: “Надо найти смысл этих повторов — но где его искать?” (Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. Л.: Academia, 1924. [Гл. “О звуках в стихе”.], 202) [Но опять же ср. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965, 145—156, где давался ответ, возможный для филологии тех лет (1924), еще до полного осознания сосюрговской дистинкции языка и речи, а также вывод Тынянова (1928) о том, что Хлебников открыл в ПЯ несколько новых семантических систем (подсистем), в частности, касающихся звуко-смысловых связей (там же, с. 292—293)]. Позднее, после работы Тынянов Ю., Якобсон Р. Проблемы изучения литературы и языка. // Новый ЛЕФ, 1928, № 12, когда понятие системы ПЯ получило, казалось бы, новый и мощный импульс, занятия “звуковыми метафорами”, “звукообразами” по существу прекращаются, поскольку в филологии надолго восторжествовала та точка зрения, что язык в его “эстетической функции” не может быть предметом поэтики, почему для поэтики 30-х годов в целом и был характерен “резкий отход от лингвистических и стилистических проблем” (см. и ср. Кожин В.В. Поэтика за пятьдесят лет. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1967, № 5, 436 и 438) [Обратим попутно внимание на две разноплановых параллели: 1) между “Глоссолалией” и будущим анализом по четырем элементам (см. Белый А. Поэзия слова. Пг.: Эпоха, 1922 [Гл. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы], 26—29 и др.; ЛП и в этом отношении предвосхитила лингвистику, но без ее претензий — см. с. 9—10); 2) между *дикой истиной звука*, которую наукообразно и прозаично “рассказывал” Белый (там же, с. 37), и заключительным монологом Зангези с его призывом “Конницу звука взнуздай!” (Хл III,

360); в этом отношении различий между Белым и Хлебниковым, конечно, тоже не меньше, чем сходств]. Однако и в ПЛК паронимическая аттракция не привлекла к себе того внимания, которого она заслуживает.

Вообще методы структурной лингвистики и семиотические идеи сами по себе сравнительно слабо затронули исследование “звукообразов”. С некоторым удивлением будущий исследователь истории ЛП обнаружит у видного ученого в 1947 г. оправдание того, что не только, звукоподражание, но и звуковая метафора в ПЯ вызывают минимальный интерес лингвиста, так как (!) они возникают по тем же творческим замыслам, что и в разговорном языке, а к тому же редки и спорадичны (см. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М.: ИЛ, 1962. [Гл. Поэтический язык с лингвистической точки зрения], 422—423). С другой стороны, напомним также идею, касающуюся преобразования фонем в стихотворной речи (*Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: Введение, теория стиха. // Труды по знаковым системам. Тарту, 1964, кн. 1, 98—99 и *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970, 176—177; см. выше § 12). Сама идея представляется весьма перспективной и кое-что в этой главе может рассматриваться как ее развитие. Однако генерализация выдвинутого Ю.М.Лотманом закона, как уже говорилось, с лингвистической точки зрения никак не обоснована и противоречит реальной истории русского ПЯ.

В конце 60-х годов вышло в свет фундаментальное исследование аллитерации на широком материале европейской поэзии (*Valesio P.* *Strutture dell'allitterazione: Grammatica, retorica e folklore verbale.* Bologna: Zanichelli, 1967). Хотя термин *парономасия* встречается в этой работе достаточно часто, потребовалось еще несколько лет, чтобы автор специально обратился к парономасии и в очень интересном сообщении на XI Международном конгрессе лингвистов пришел к следующим поучительным выводам (*Valesio P.* *Paronomasia and the articulation of phonological rules.* // *Proceedings of the XI Int. congress of linguists.* Bologna: II Milano, 1974):

(1) Фонологическая теория должна считаться с фактами типа *amor:amõrem:ambvum*, так как они составляют неотъемлемую часть структуры языка (с. 1007—1008);

(2) потенциальные (парадигматические) отношения, обнаруживаемые парономасией, — объект грамматического описания лингвиста (1008); необходим особый род правил, которые представляли бы структуру парономасии как парадигматическую структуру (1012);

(3) для выявления парономастических парадигм нет необходимости дожидаться их появления в конкретной фразе (1013) [Здесь и в других местах работы Валесио содержится в неявном виде идея создания с помощью ЭВМ словаря паронимов. Автор выступает против попыток разделить и противопоставить парадигматические и синтагматические фигуры речи (1013; ср. *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975 (Горьк. пед. ин-т ин. яз.)) и высоко оценивает работу Брика, в которой он справедливо видит предвосхищение идеи парономастической парадигмы (1014). Ср. также замечания о метатезах (1006) и аналогии из грамматики семитских языков (1009—1010)];

(4) как кажется, парономастические парадигмы в основном опираются на субституцию гласных в рамках фиксированной консонантной модели (1014);

(5) отсутствует одно-однозначное соответствие между морфологическим и семантическим аспектами парономасии (1015).

Вероятно, было бы полезно сравнить эти выводы с теми, к которым мы пришли независимым путем, например, в работах *Григорьев В.П.* О некоторых проблемах лингвистической поэтики. // Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. Шадринск, 1971. Уч. зап. Свердл. и Шадринск. пед. ин-тов, вып. 161; *Григорьев В.П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т); *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977 и Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973, 64 и др. Важнее, однако, обратить внимание на общую для ряда исследователей устремленность к анализу особых “семантических парадигм” (см. также *Невзглядова Е.В.* О звуко-смысловых связях в поэзии. // Филол. науки, 1968, № 4; *Невзглядова Е.В.* Явление семантического осложнения в поэтической речи. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1969, № 2; *Невзглядова Е.В.* О звуке в поэтической речи. // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В.Виноградова. Л.: Наука, 1971) или эпидигматических отношений в языке (*Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, 191 и след.). Критикой некоторых из положений Валесио может быть и конструктивное рассмотрение конкретных фактов паронимической аттракции в современном русском ПЯ. Примечательно, что одновременно со статьей Валесио появилось специальное исследование звуковых метафор и способов их мотивации (*Pszczolowska L.* *Metafory dźwiękowe w poezji i ich motywacja.* // *Tekst i język: Problemy semantyczne.* Wrocław...: Ossolineum, 1974).

К работам Валесио примыкает и монументальная работа *Gauthier M.* *Les equations du langage poetique.* These. Univ. de Lille, 1973, в которой тщательно описаны на материале французской поэзии различного рода группировки “эвфонем” (с. 113) независимо от взаимодействия звука и смысла. В отличие от Соссюра с его анаграммами автор придерживается “формальной линии” (590). В конце своей работы Готье, однако, выделяет отдельные “эвфонические этимоны” типа PRS, которые могут генерировать у поэтов различные слова (*esprit, paresse, serpent* и т.п.) как в их

эвфонической, так и семантической связи (585—590). Материалом при этом служат отдельные строчки из произведений Бодлера, Малларме и Валери, например, такая бодлеровская, как “D’acheter au bazar *ananas et bananes*” (570). Любопытно, что Готье усматривает в этих “эвфонических этимонах” нечто подобное тому новому поэтическому синтаксису, тем “заумным” структурам, которые, как он полагает, искали русские формалисты (598) [Ср. ряды *tempter — tempest, pallid — Pallas — placid, beast — bust* у Э. По (“Ворон”) и *esprit — Esperance — Espoir* у Бодлера (“Сплин”, IV), прокомментированные в свое время Якобсоном (*Jakobson R. Questions de poetique. Paris: Seuil, 1973, 216 и 487*; ср. Структурализм: “за” и “против”. Сб. статей. М.: Прогресс, 1975, 222 и след.; *Style in language / Ed. Th. A. Sebeok. Cambridge; Mass.: MIT Press, 1960, 357 и др.*)].

19.1. Вопросы терминологии. Определение паронимии

Такой ряд квазитерминов, не имеющих достаточно строгого значения, но все же привычных для филологической литературы первой половины века, как *аллитерация, звуковой повтор, паронимасия* (-азия), *паронимическая аттракция, народная, ложная и поэтическая этимология, звукообраз* и *звуковая метафора, парехеза* [“Паронимазия со словами, различающимися одной буквой или “переставленными” слогами. *Per vitem ad vitam. Муж по дрова, а жена со двора* (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969, 312). Ср. термины *гетерофемия* и *малопротизмы*], и некоторые другие, за последние полтора-два десятилетия расширился до трудно обозримых пределов. Прежде всего опасно популярным стал старый термин *анаграмма*, который может восприниматься подчас даже как родовой в отношении всех видов звуковых повторов. В работе *Wunderli P. Ferdinand de Saussure und die Anagramme: Linguistik und Literatur. Tübingen: Niemeyer, 1972* от избытка терминов типа *гинограмма, параграмма, антиграмма, логограмма, антифон, дифон, параморф* и т.п. местами прямо рябит в глазах. Выплыв из тетрадей Соссюра, некоторые из них сразу же зажили второй жизнью, особенно в кругах, близких к кружку “Tel Quel” (см., например, *Wunderli P. Ferdinand de Saussure und die Anagramme: Linguistik und Literatur. Tübingen: Niemeyer, 1972, 49, 130* и *Dacrot O., Todorov Tz. Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage. Paris: Seuil, 1972, 446* о попытках генерализации модели соссюровской анаграммы в виде параграммы).

Терминовтворчество этим не ограничивается. Появляется *фонестема* (см. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969, 496), для поэтики рифмы предложено понятие “поэтофонемы” [Как увидим ниже, существенное и для паронимической аттракции] и соответствующий термин (см. *Kramer W. Die poetische Destruktion des Phonemischen. // Kommunikationsforschung und Phonetik. Hamburg: Buske, 1974, 329*), обсуждается понятие “омонемы” (см. *Литвин Ф.А. Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи. // Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975 (Владим. пед. ин-т), 46—47*). Незаметное распространение в отечественной традиции термина *паронимия* потребовало согласования его значения со значениями терминов *паронимасия* и *паронимическая аттракция*. Нормативистскому подходу к явлениям близкочувности мы обязаны тем, что единственно правильным в ряде работ признается понимание паронимов как однокорневых слов (см., например, *Вишнякова О.В. Паронимы в русском языке. М.: Высш. школа, 1974, 8—9* и др.). Таким образом, частный случай близкочувности, этимологическая близость подчиняет себе в расхожем терминопотреблении фонетическую близость слов, вообще говоря, достаточно независимую от наших этимологических знаний и от реальных деривационных отношений в системе языка. Поэтому “проблема паронимии” намного шире культурно-речевого аспекта в семантическом и ортологическом разграничении однокорневых слов. Если следовать точке зрения О.В.Вишняковой, то термин *паронимическая аттракция* пришлось бы оторвать от явлений паронимии, а для разнокорневых, но близкочувных слов придумывать новые термины типа *паронимасы* и т.п. Едва ли в этом есть необходимость. Паронимы — явление более разностороннее, чем то, которое имеют в виду определения, получившие распространение в нашей литературе последних лет. В связи с этим мы считаем возможным и вполне правомерным использовать термин *паронимия* и в значении “паронимасия”, синонимизируя это словоупотребление — пока не достигнута терминологическая упорядоченность — и с термином *паронимическая аттракция*.

Нас занимают разнокорневые паронимы, О.В.Вишнякову — однокорневые. Возможно, следовало бы сделать соответствующую оговорку в подзаголовке ее книги (и тогда был бы уместен подзаголовок и в этой главе). Ограничиваясь этими замечаниями, в дальнейшем мы будем применять термин *паронимия* (а иногда — *паронимасия* и *паронимическая аттракция*) и его производные, имея в виду именно разнокорневые слова, обладающие известной степенью сходства в плане выражения [Ср. определение паронимии: “Семантическая конфронтация слов, сходных с фонетической точки зрения, независимо от каких-либо этимологических связей” (*Jakobson R. Quest for the essence of language. // Diogenes, [Montreal], 1965, N 51, 32*; перевод из работы *Литвин Ф.А. Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи. // Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975 (Владим. пед. ин-т), 55*).

Парономасия таким образом относится к некоторому тексту; но ср. точку зрения Валесио (см. выше), стремящегося выявить паронимастические парадигмы (мы предпочитаем говорить о *паронимических* парадигмах)].

Для исследований в области паронимии существенны понятия, которые воплощены в терминах *квазиморфема* и *псевдоморфема*, предложенных в самое последнее время в связи с растущим интересом к паронимам в широком, но опять-таки особом смысле (см. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975, 52—54 и *Литвин Ф.А.* Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи. // Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975 (Владим. пед. ин-т), 41) [Ср. понятие “псевдоморфемного уровня” (*Григорьев В.П.* Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965, 19). Оставляем в стороне важное явление межъязыковой паронимии (см. *Литвин Ф.А.* Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи. // Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975 (Владим. пед. ин-т), 52—53 и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977 — примеры из О.Сулейменова)], не связанном с понятием паронимии, с творческим словообразованием и с понятием слова как экспрессемы. Нам придется в дальнейшем часто прибегать к терминам с первой частью *квази-* (и к кавычкам для обозначения паронимических “корней”, “основ” и т. п.), но мы не будем считать себя связанными понятием “частичного семантического совпадения” между сегментами лексических единиц в системе языка (см. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975, 52—53), предпочитая говорить о реализуемых и потенциальных ассоциативных связях между паронимами и квазиморфемами [Необходимо в той или иной мере учитывать и такие термины, как *субморф*, *квазифлексия*, *квази-морфы*, (см. работы *Земская Е.А.* О понятии “позиция” в словообразовании. // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975; Борт 1975; *Лопатин В.В.* О двух этапах морфемного членения слов. // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975; *Голанова Е.И.* Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке: На материале имен существительных с префиксами *квази-*, *лже-*, *псевдо-*. // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975). Особенно поучительно (хотя используется пока скорее для “дискриминации” орфографии) понятие “квазиморфемно-графической” формы производящей основы (см. Борт 1975, 58)].

Итак, паронимию мы определяем как систему парадигматических отношений между сходными в плане выражения разнокорневыми словами (не связанными в синхронии ПЯ признаками явной деривационной близости), реализуемую в конкретных текстах путем сближения паронимов в речевой цепи, благодаря чему возникают различные эффекты семантической близости или, наоборот, противопоставленности паронимов [Если уж разграничивать употребление терминов *паронимия* и *парономасия*, то мы бы предпочли говорить о паронимии как о фактах ПЯ, а о паронимии — как о фактах на уровне наблюдения].

Степень звуковой близости, позволяющую говорить о паронимии, мы в основном ограничим минимумом в виде двух тождественных согласных. Тождество определяется — в соответствии с поэтической практикой — на **орфографическом** уровне. Совпадение гласных не является необходимым: в подавляющем большинстве случаев гласные могут варьировать в максимально широких пределах — от полного совпадения до полной редукции в одном из аттрактантов. Обычно, но совсем не обязательно совпадение порядка следования согласных [Все эти указания — ориентировочного, а не догматического характера. Так, мы склонны рассматривать в ряду паронимов и отдельные сопоставления типа *соль* — *сор* (одноконсонантное совпадение) у Вознесенского, а, например, выделяемый ниже “консонантный тип” паронимии формально может и не отвечать принятым ориентирам, рассчитанным на основные тенденции в использовании паронимии русскими поэтами XX в. (см. 19.4)].

Для определения паронимии именно на орфографическом уровне (а это следует иметь в виду для правильного понимания всего дальнейшего) есть серьезные основания. Уже Брик установил, что в “простейшем виде” звуковых повторов твердые и мягкие согласные звуки не различаются (*Брик О.М.* Звуковые повторы. // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: Опояз, 1919, вып. 1-2, 60). Это характерно и для паронимии. “Звуковые повторы” — это в первую очередь “буквенные повторы”, повторы “звукобукв” [Сосюр подразумевал под анаграммами, напротив, именно анафонию (см. *Wunderli P.* Ferdinand de Saussure und die Anagramme: Linguistik und Literatur. Tubingen: Niemeyer, 1972, 13 и др.)]. Поэтическая изощренность в области паронимии существенно отличается от изощренности фонологических теорий и методик экспериментальной фонетики. Преобладающий в паронимии порог эстетического восприятия поэтом (и читателем) звукового состава слова находится выше не только различения твердых и мягких консонантов, но и оглушения звонких в конце слова, явлений ассимиляции и рефлексии по поводу йота [С этим важным обстоятельством можно связать почти единодушное сопротивление поэтов орфографическим реформам. *Жолтый* и *желтый* у Блока или *черный* и *чорный* у Хлебникова и Есенина — это случаи, говорящие (пусть по-разному) лишь о желании поэтов оставить за собой

право на индивидуальное отступление от орфографических норм (см. Григорьев В.П. Язык, орфография и писатель. // Орфография и русский язык / Под ред. И. С. Ильинской. М.: Наука, 1966; ср. статью “Орфография поэтическая” в КЛЭ). Потеря “ятя” в глазах поэта действительно обедняет ПЯ, хотя его потенциально-паронимическое богатство “йотом” поэты, как правило, игнорируют. Введение в русскую графику буквы “йот” сильно повлияло бы на направление паронимических ассоциаций (буква “и краткое” в глазах поэтов, конечно же, — “гласная буква”). Тема “йот в русской поэзии XX в.” ждет своего исследователя.]. Буква Я для поэта часто такая же элементарная единица, как О или А (понятно, что это не касается позиции рифмы). Говоря в общей форме о “звуках” и “звучаниях”, поэты имеют в виду прежде всего их орфографические одежды. Асимметрия между звуком и буквой занимает поэзию в целом куда меньше, чем лингвистов.

Другой вопрос, требующий разъяснений,— это отношения между паронимией и звуковыми повторами. Провести между этими явлениями четкую (а тем более жесткую) границу нелегко, да и едва ли вообще необходимо и возможно. Различия здесь часто почти неуловимы, а в ряде случаев неотделимы от субъективных моментов восприятия [Однако целостное сопоставление контрастных по признаку паронимии идиостилей, например, Хлебникова и Ахматовой, Мартынова и Твардовского или Вознесенского и Кушнера позволяет в значительной мере нейтрализовать эту субъективность. Помогает здесь и сопоставление разных сборников одного поэта. Так, сб. “Поиски героя” Н.Тихонова несколько выделяется в его творчестве и “поисками паронимии”: ср. *трудодам, требующим слова* (“В Карелии”), (спят) *воры и вороны* (“Ночь президента”), (среди) *лома молний* (“И мох и треск...”) и под. Показательно и наличие в этом сборнике такой заливчатской СрМтф, как *мечты рассол в кастрюлях сна* (“Повсюду раннее утро”), непредставимой у позднего Тихонова]. Тем не менее еще в 20-е годы было справедливо подчеркнуто принципиальное отличие “поэтической этимологии” как “эвфонии, грамматически осмысленной”, от аллитерации как эвфонии “чисто звуковой” (Винокур Г. Культура. языка. М.: Федерация, 1929, 312; ср. 19.0 об “эвфонемах” у Готье). Винокур даже говорил о поэтической этимологии как о “творчестве морфологическом по преимуществу” (там же), но не увидел здесь собственно лингвистической проблемы.

Традиционные звуковые повторы, конечно, не исчезают из поэзии с распространением в ней паронимии. Однако те из них, глубина которых достигает вида СГС, ГСС, СГСГС и т.п. [С—согласный, Г—гласный (речь идет об орфографических формах слов). См. в этой связи Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973, 42 и след. — о “минимальной корневой структуре”] (а таких случаев становится в отдельных текстах не меньше, чем обычных аллитераций), воспринимаются теперь как имитирующие структуру нормальных для русского языка корневых морфем и его активных производящих и производных основ. Эти квазиморфемы, естественно, приобретают (хотя бы потенциально) особый план содержания, чем и пользуются поэты. Таким образом паронимические квазиморфемы отличны от традиционных звуковых повторов в обоих планах.

Возникает в связи с этим и еще один вопрос, оказавшийся в свое время решающим для Соссюра в его сомнениях по поводу реального статуса обнаруженных им анаграмм. В какой мере сознательно используется поэтами паронимия? Было бы очень интересно собрать здесь мнения самих поэтов (см. соображения в статье Шаламов В.Т. Звуковой повтор — поиск смысла: Заметки о стиховой гармонии. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7). Но и без анкетирования ясно, что творчество Хлебникова, Маяковского, Пастернака и Асеева и многих современных поэтов существенно отлично в этом отношении от творчества поэтов-символистов и поэтов первой половины XIX в. Отличия здесь не только в количестве фактов паронимии и в разнообразии ее смысловых эффектов, но, может быть, прежде всего именно в степени осознания художественных возможностей приема. Когда же прием с периферии ПЯ перемещается — в результате усилий ряда поэтов XX в. — в область особо настойчивой художественной рефлексии, захватывает поэзию в целом, нам невольно видится развитая паронимия и там, где по существу мы имеем дело с глубокими звуковыми повторами, с зародышами паронимии — в поэзии Пушкина или других поэтов XIX в.

Что касается стихового пространства, на котором ощущаются семантические эффекты паронимии, то можно принять здесь максимум в виде четырехстрочной строфы (см. некоторые детали: Григорьев В.П. Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977). Существенно, что “истинная” паронимия обычно не выходит за пределы двух соседних строк, однако исследование своеобразной “рассеянной” паронимии обнаружило в поэзии XVIII—XX вв. неизвестные ранее факты, “аттракции на расстоянии”, которые могут связывать даже начало и конец стихотворения — нечто подобное связям между *стремя* и *стремительно* у Заболоцкого в “Городе в степи” (см. Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973) или проведение консонантизма заглавия через весь текст [Это исследование осуществляет Н.А.Кожевникова].

19.2. Об истоках паронимии

В работах Григорьев *Григорьев В.П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977 приведены многочисленные факты, свидетельствующие о роли “будетлян” в том “паронимическом взрыве”, который обнаруживает поэзия XX в. Но “взрыв” был подготовлен длительным развитием ПЯ, так что истоки паронимии в русской традиции можно (и нужно) искать даже в фольклоре.

Пословицы или поговорки типа *сила соломѹ ломит, Никола с колоском* (а Петр со снопом), загадки типа “Что тако: у нас в избушке палагеино имя? Полати” или “Что же носит вороново имя? Воронец в избе” [См., *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878, ч. 2, с. 242 (№№ 157 и 159). Пример указан А.Б.Пеньковским. Он же отметил у А.И.Левитова: “— А кур видеть во сне, братцы мои, это беспрѣменно к *куреву* какому-нибудь!..” (“Праздничный сон”, v)], персонажи волшебных сказок (*Налим Налимович > Налим Малиныч; Потапович < Топтыгин; Роговна < горе* и др. под.) [См. статью В.Ф.Куприянова и А.Б.Пеньковского “Усилительные образования нарицательных имен, построенных по антропонимической модели” (в печати)], с одной стороны, *простота без пестроты* в “Житии Сергия Чудотворца” — с другой [См.: *Улханов И.С.* О языке Древней Руси. М., 1972, с. 46], своеобразное “будетлянство” не только Гоголя (даже в “Шинели” был отмечен повтор ЛПК — ПЛК: серебряные *лапки* под *аплике*; см. *Эйхенбаум. Б.М.* Литература: Теория, критика, полемика. Л.: Прибой, 1927, 157) или Шишкова (с его “поэтическими этимологиями” типа *грех, город, гордость, гром* и т.п. < *гора* и другими общеизвестными фактами), но и Крылова (с его *урча* — *курчонком* и *сер* — *сед*, предвосхищающим современное *соль* — *сор* в афоризме Вознесенского), если угодно, даже Карамзина (у которого Эйхенбаум еще в 1916 г. отметил сближения *Гвадалквивир* и *Эльвира, розмарин, Морена* и *мрамор* [См.: *Эйхенбаум Б.* Сквозь литературу. Сб. статей. Л., 1924, с. 48. — Ср. также в воспоминаниях Фета объяснение имени верховой лошади *Баронесса* тем, что она выпряжена из *бороны* (см. *Винокур Г.* Маяковский — новатор языка. М.: Сов. писатель, 1943, 129, сн. 3)), не говоря уж о Державине, Тредьяковском и Ломоносове (“предвосхищающее будетлянство” которых заслуживает особо тщательного исследования) [О “звуковых метафорах” у Ломоносова см. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977, 238—239 (и примечания).], — с третьей, оказываются в той или иной мере связанными с “паронимическим взрывом” XX в.

Такие переключки обнаруживаются достаточно часто, чтобы глубокое, но полемически-резкое противопоставление Маяковским паронимическим парадигм у Хлебникова вулгаризованным аллитерациям у Бальмонта (*М XII*, 24) не заслоняло реальных связей “взрыва” с его дальними и близкими истоками, “снабженцами” и “смежниками”, будь это Бодлер, Малларме, Лотреамон и Валери или Вл.Соловьев [Заглавие статьи Соловьева “Идолы и идеалы” (“Вестник Европы”, 1891, №№ 3 и 6) недавно откликнулось в заглавии книги Э.В.Ильенкова “Об идолах и идеалах” (М., 1969)], Ф.Сологуб и Вяч.Иванов [Ср. антипаронимический памфлет А.Измайлова “Звенящий кимвал” (VIII) в его кн.: “Пестрые знамена (литературные портреты безвременья)” (М., 1913, с. 47—49), где Иванову ставятся в вину *Платона платаны, сребровиссонные сонмы, держава ржавая*, сближения типа *медь* — *мед, таверна верных* и т.п. — Указано А.Б.Пеньковским]. В начале века, например, у Сологуба мы находим немало несомненно сознательных паронимических сближений, ограниченных, что важно, узким символистским словарем [См. о русских символистах как о “столпниках стиля” в отношении словаря *Мандельштам О.* О поэзии. Сб. статей. Л.: Academia, 1928, 48. С расширением словаря, с “обмирщением” ПЯ, особенно мощно осуществленным “будетлянами”, и обнаружились богатейшие потенции развития паронимии с использованием всей лексики литературного языка, просторечия, диалектов, жаргонов, словотворчества и т. д]: *утешения тишины* (1902), *умилительные молитвы* (1904; в свободном стихе), “В темноте мой путь я путал” (1905). А в стихотворении “Что звенит?..” (1906) есть такие паронимические рассуждения об имени Иванова: “Реет имя ВЯЧЕСЛАВ, | Вящий? Вещий? | Прославляющий ли вещи? | Вече? иль венец? | Слава? слово? или слать? | Как мне знаки разгадать?” [Этимологический привкус и поэтическая неуверенность образуют тот барьер, который отделяет даже и эти предбудетлянские факты от идей “внутреннего склонения” Хлебникова, который, видимо, все же именно по паронимическому признаку выделял творчество Иванова и Сологуба в своих начальных симпатиях и ориентирах.]

Мы приводили также в указанных работах некоторые примеры из Блока. Ср. стихотворение “Коршун” (1916), в котором строчка “Расти, *покорствуй, крест неси*” любопытна и своей паронимической организацией, и тем, что это “речь персонажа”, это “в избушке мать над сыном тужит”, а не поэт излагает так, как захочет, свои мысли и чувства “своими словами”.

Но, может быть, самая важная из конкретных тем, ожидающих здесь исследования, — это тема сходств и различий между звуковой организацией стиха у Пушкина, *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974 с одной стороны, и у “будетлян” — с другой.

Презренная проза как словосочетание, вполне готовое к паронимическому напряжению, встречается у Пушкина не только в “Графе Нулине” (см. *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974, 106—107), но во всех случаях сближение слов здесь остается спорадическим в

плане выражения и ироничным в плане содержания. Пушкин как бы не хочет рассматривать возможность более серьезного использования изоморфии для глубоких изосемических эффектов. Ср. такое наблюдение: “Пушкин, написавший: “Шипенье пенных бокалов И пунша пламень голубой”, в совершенстве владел инструментовкой. Но он, очевидно, считал, что поэт может себе это позволить изредка, решая определенную задачу. Сплошная инструментовка стиха, надо думать, показалась бы Пушкину ребяческой затеей” (*Гинзбург Л. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974, 247*).

Вот несколько примеров: *на лоне лени* (1821), *любви лобзанья* и *урну с водой уронив* (1830), *ладана сладостный дым* (1832), *очей очарованье* (1833), *(И пальцы) просятся к перу* (1833), *торжествуя — строже* (1835). Все они как бы уже готовы стать чем-то большим, чем глубокие звуковые повторы, но Пушкин не спешит извлекать из них специальные семантические эффекты, которые могут разгармоничить стих [Не то в каламбурах: ср. слово *аноним* в письме к Вяземскому от 13 июля 1825 г. или *славны Лубны за горами* в письме к Родзянке от 8 декабря 1824 г. Функцию игры слов паронимия развивает в реалистической литературе задолго до XX в. См. также наблюдения над “звуковыми скрепами” у Пушкина (*Гербстман А.И. Звукопись Пушкина. — Вопр. лит., 1964, № 5*) и над его сближением слов *копейка* и *каплей* (см. Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973, 120—121)]. Можно осторожно предположить, что словарь поэзии, в те годы еще серьезно отставая от словаря прозы в многообразии ее жанров, не располагал к широким паронимическим экспериментам, которые до поры до времени имели в основном шуточный характер и развивались главным образом в эпистолярном искусстве.

Укажем также на то, что сочетание в соседних строчках слов *неведомые воды* и *невод* встречается у Пушкина не только в “Медном всаднике”, но и (с чуть большим интервалом) во “Вновь я посетил...” Возможно, что эти сочетания ощущались Пушкиным как содержащие в себе не раскрытый до конца особый поэтический заряд, но и они, как кажется, все-таки остаются на уровне “дремлющей паронимии”, это “паронимическое ружье” пока не стреляет, “вторая семантика” еще только готовится к выступлению на авансцену.

Любопытно, что из XX в. И.Сельвинский (см. его “Записки поэта”, гл. I, 1925) увидел в названии *Евгений Онегин* “полуперевертень” (ген — нег), но так же, как “Возможно. | Что *дюна* моя напомнила имя *Диана*” (там же, гл. II) [Ср. “Как это странно, правда, | Что слово *литера* родственно слову *литье*, | *Литейщику — литератор?* Да! У обоих, | Одна стихия: руда и высокий накал” (там же, гл. I)], более, чем вероятно, что метатеза в *Евгений Онегин* остается на уровне глубокого звукового повтора. Во всяком случае было бы опрометчиво рассматривать ее как находящуюся в одном функциональном ряду с паронимическими метатезами типа *голос — Логос* у Л. Мартынова.

Однако недостаточно было бы интерпретировать на уровне традиционных звуковых повторов и такие сближения, например, у А.К.Толстого, как *карашмы* и, спустя две строки, (ветвь) *караемого* (древа) [См. *Толстой А.К. Собр. соч. в четырех томах. М., 1969, т. I, с. 102*]. Новое качество ПЯ накапливалось исподволь. В случае с А.Толстым опять-таки заслуживают внимания интерес к нему Хлебникова, а также те его опыты с диссонансной рифмой, которые найдут отклик в XX в. С другой стороны, даже у Луговского в “Курсантской венгерке” строчки “Столетние царские *люстры* | Холодным звенят *хрусталем*” не дают нам безусловного права рассматривать их как пример паронимии лишь на том основании, что ПЯ в целом, уже прочно освоил к этому времени этот прием в самых разнообразных функциях [А такие случаи, как “мо” Л.Андреева об одном критике *Иуда из Териок* (<Искарриот; см.: *Чуковский К. Современники. М., 1967, с. 201*) или игра слов *Гринландия* (см. сб. Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972, с. 6 и др.), стали повседневным явлением. Ср. также игру слов в письме парижского издателя (1874) “*Manet et Manebit*” в смысле “Он Мане и Мане останется” (Мане Эдуард. Жизнь. Письма. Воспоминания. Критика современников. М., 1965, с. 154)]. Подход к каждому факту, подозрительному как возможный случай паронимии, должен быть в одно и то же время конкретно-историческим, с точки зрения ПЯ, и системно-индивидуальным, с точки зрения, вот этого, целостного и специфического идиостиля (см. об этом *Григорьев В.П. Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977*).

“Фонетика рождает мысль”, — приведет недавно Д.Д.Ивлев, как бы не замечая никакой паронимии, один из тезисов на “Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем” (М., 1962, с. 128; слова Б.А.Успенского) и риторически-сокрушенно прокомментирует: “Что это, как не возрождение опоязовских взглядов самой первой стадии?” (*Ивлев Д. Д. К вопросу о методах оценки и анализа литературного произведения. // Актуальные проблемы теории и истории литературы XX в. Рига, 1966. Уч. зап. аспирантов Латв. ун-та, т. 5. Филол. науки., 150*).

Какой-нибудь бытовой каламбур может, конечно, не нравиться ни по мысли, рожденной при участии фонетики, ни по форме. Но в самом генезисе паронимии из звуковых повторов мы по существу имеем дело с рождением смысла из звука. Невозможно отрицать, что, скажем, заготовки поэтами рифм впрок существуют независимо от футуризма, ОПОЯЗа, структурализма, филологических споров и полемических реплик, а паронимические гнезда — независимо и от поэтов. “Фонетика рождает мысль” — если “мысль” хороша, если в конечном результате общество получает некоторую эстетическую ценность, в таком генезисе “мысли” нет ничего

обидного для нее или для читателя, наслаждающегося и **ВОТ ЭТИМ** сочетанием слов — *презренной прозой, леса обезлосели, баклажаны бока отлежали* или рифмой *врезываясь — трезвость* и т.п.

Нет оснований понимать все это так, что **ТОЛЬКО** фонетика участвует в рождении художественного факта. Как нет оснований сводить фонетику ПЯ к орнаментальному искусству, бессодержательному украшательству, пассивному оформлению идеи.

Фонетика ПЯ активна, но пока еще мы находимся у самых начал ее системного анализа [Ср. и в этой связи *Гиндин С.И.* Послесловие к статье В.Т.Шаламова. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7, 148—149 и *Шаламов В.Т.* Звуковой повтор — поиск смысла: Заметки о стиховой гармонии. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7 (с приложением). Некоторые слабости идеи об “опорных трезвучиях”, как представляется, очевидны, с точки зрения, развиваемой в настоящей главе]. Она активнее, чем метрика и ритмика, хотя бы потому, что может быть более тесно связана художником слова со смыслом конкретных образных структур произведения.

19.3. Семантика и функции паронимии как тропа

Итак, паронимия основана на сближении в контексте словоформ, корневые морфемы (основы) которых — независимо от какой бы то ни было истории их возникновения — лишены в синхронии языка объективной семантической и словообразовательной общности. В той мере, в какой нам уже известна история этого средства ПЯ, можно утверждать, что существо преобразований, которое обнаруживают в поэзии первых десятилетий XX в. традиционные звуковые повторы, сводится к следующему.

Постепенно наращивая материальную глубину и распространяясь по все более широкому и разнообразному кругу слов, звуковые повторы начинают все чаще характеризовать не только стихотворную строку или группу стихов **независимо** от их членения на **слова** (см. материалы XIX в. — *Брик О.М.* Звуковые повторы. // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: Опояз, 1919, вып. 1-2), но и некоторые из составляющих эти строки слов — слов как смысловых единиц текста.

О таких словах, все чаще и нетрадиционно акцентирующих в поэтических текстах XX в. свою звуковую близость именно как слов, можно сказать, что они не столько совпадают по одному-двум и даже по трем, четырем и более звукам, сколько отличаются друг от друга всего лишь по трем-двум, а то и по одному-единственному звуку (букве). Точкой отсчета материальной близости, “печкой”, от которой теперь танцуют принципиально новые “аллитерации”, становится семантическая единица — омоним (омограф). Внимание “будетлян” сосредоточивается не на отдельно взятых звуках стиха, не просто на его “звуковой инструментровке”, а на словах-паронимах, их семантических характеристиках и поэтических потенциях..

Омоним в ПЯ теперь выступает и как паронимический предел, как частный случай паронима. Произошло и продолжается **функциональное** переосмысление “звукописи”. Семантический план, открываемый у паронимических “основ”, т.е. квазиоснов, предоставляет поэтам возможность дополнительно “подтверждать” эстетическую достоверность конкретного образа или вообще — хода авторской мысли. В этом паронимия подобна “соседству однокоренных слов” (см. Язикова Ю.С. Лексические связи в контексте художественного произведения. // Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964., 66) [Границы здесь во многих случаях относительны. Ср. *Циркулярами* и *циркулями*, а также “Ветром взмыленные эскадры, Эскадрильи бешеных планет” (*БЗ “Фронт”*)]. Ср. в стихотворении Хлебникова “О, черви земляные...” (1914? — НП,153):

Темной славы головня,
Не пустой и не постылый,
Но усталый и остылый,
Я сажу. Согрей меня.

Вместо того, чтобы демонстрировать здесь другие — и часто исключительно сложные — случаи использования Хлебниковым паронимии [Мы предполагаем посвятить анализу соответствующего материала специальную работу. Отдельные не всегда систематизированные в типологическом и/или идиостилевом плане примеры паронимии у Хлебникова см. в работах Н.Степанова (*Степанов Н.* Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М.: Сов. писатель, 1975, 138—147) и Григорьева (*Григорьев В.П.* Ономастика Велимира Хлебникова: Индивидуальная поэтическая норма. // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976; *Григорьев В.П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977)], напомним только, что “вся суть его теории в том, что он перенес в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле. Для него нет не окрашенного смыслом звучания <...> “Инструментовка”, которая применялась как звукоподражание, стала в его руках орудием изменения смысла, оживления давно забытого в

слове родства с близкими и возникновения нового родства с чужими словами”. Так писал еще в 1928 г. Ю.Н.Тынянов и вслед за этим делал вывод о том, что художественная речь Хлебникова — это “новая семантическая система” (Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965, 292—293) [Ср. убеждение Маяковского (1928): стихи Хлебникова — это “семена и каркасы массового искусства” (М XII, 165) — и мнение известного русиста и переводчика советской поэзии: Хлебников “произвел в поэзии и в функционировании русского поэтического языка подлинную революцию” (Entretien avec Leon Robel. // Action poétique, [Paris], 1975, v. 63, 150; о Мандельштаме, по мнению Робеля, этого сказать нельзя). Все эти соображения, естественно, нуждаются в корректировке].

Недавно было проведено сопоставление некоторых “звуковых метафор” Маяковского со “звукообразными построениями” Хлебникова (Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970, 101—104; ср. 225—227). Но и паронимия у Маяковского как специфическая система исследована в целом и в отдельных ее функциях ничуть не лучше, хотя отдельных наблюдений сделано немало (см. еще Винокур Г. Маяковский — новатор языка. М.: Сов. писатель, 1943, 130). Чаще всего “выходы” в паронимию связаны с анализом окказионального словообразования у поэта (см., например, Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи. // Стилистические исследования: На материале совр. рус. языка. М.: Наука, 1972). В работе Радзиховская В.К. К вопросу об экспрессивном словообразовании в области русского глагола: На материале поэтической речи В. В. Маяковского. // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973 (МГПИ им. Ленина), 201 приведен, в частности, в ряду глагольных экспрессивных образований и такой факт: “И вдруг на образ вползла бацилина | *заразная*. | Посидела малость и *заразмножалась*”. Однако отношения между *заразная*, *заразмножалась* и *образ* если и выявляются, то вне их связей с общей проблемой паронимии в творчестве Маяковского.

Между тем последовательный сопоставительный анализ паронимии у Маяковского и Хлебникова представлял бы особый интерес и потому, что с очень серьезным, “мировоззренческим” подходом к паронимии, который мы пока лишь наблюдаем, но плохо представляем и осознаем у Хлебникова, “учителя”, подход Маяковского, “ученика”, соотносится как до некоторой степени более традиционный, но дополнительный в том смысле, что почти до предела развивает шуточные, каламбурные, иронические и сатирические, а также контрастные функции и аспекты паронимии. Ср., например, заглавие “Схема смеха” — см. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972; уникальный композит из двух тождественных квазикорней ЛКТР *электрелектор* — см. Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973, 427; противопоставление *митрополитов* — *метрополитен* (характерно заглавие этого стихотворения: “Две Москвы”, 1926); соположение (чтоб...) *не сквернили скверы* (1919) и т.п.

Перечислим кратко основные собственно семантические характеристики явления паронимической аттракции (подробнее см. Григорьев В.П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и Григорьев В.П. Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977).

(1) Квазиоснова, выявляемая у аттрактантов, чаще всего неопределима как относящаяся к конкретной части речи (ср. Кузнецова 1970). Не только лексико-грамматическая, но и семантическая неопределенность (диффузность) характеризует паронимический квазикорень.

(2) Непосредственно мотивирующий, “поэтико-этимологический” (или “народно-этимологический”) аспект паронимии подчинен в наши дни ее парадигматическому аспекту [Ср. наблюдаемые в разговорной речи и речи детей мотивировки отношений между паронимами, проанализированные в работе Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973, 191, 198, 203 и др. Можно было бы утверждать, что “в синхронии мы всегда имеем дело с результатом” (Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976, 155), если бы синхронно можно было свести к одномоментному воплощению в тексте идеи художника относительно конкретных паронимов. Подчеркнем, что парадигматика паронимии динамична; понятие соотносительности между паронимами не противоречит понятиям мотивировки и производности именно в синхронном плане терминов]. Чаще всего невозможно сказать, каково направление мотивировки. Если Смеляков, например, сопоставляет слова *трактиры* и *трактаты* (сб. “Работа и любовь”, 1963; пример 50-х годов) или *работали ребята* (пример 30-х годов), то было бы натяжкой искать среди них “производящее” и “производное” как в “словообразовательном”, так и в чисто семантическом отношении. Направление мотивировки, как правило, амбивалентно, так что “этимологизирование” представляет собой частный случай некоторого “звукобуквенного” и смыслового “внутреннего склонения” квазикорня.

В отдельных случаях “поэтико-этимологический” аспект паронимии, правда, выступает на первый план, а содержание фрагмента или целого стихотворения может быть пронизано соответствующим “метаязыковым размышлением” (см. Иванов Вяч. Вс. Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама. // Russian literature, [The Hague], 1972, N 3, 85). Ср. пример из стихотворения Н.Рыленкова [В другой связи оно цитируется в работе

Баевский В. С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972. (Смол. пед. ин-т), 31. — Заметим, что (1) “глубина” паронимии здесь не превышает двухконсонантных “корней”, что (2) вокализм сближаемых “основ” в каждой паре паронимов совпадает (на орфографическом уровне) и что (3) паронимия здесь функционирует у Рыленкова как средство семантического сближения, а не противопоставления слов]:

Не для того, чтоб нанизать на нить,
Начальный смысл мы ищем в каждом слове.
Велит нам *жито* жаждой сева *жить*,
Рождает рожь святое чувство нови.
Летят лета, не погодят года.
А ты свое, как пахарь, дело делай.
Чтоб *радовала радуга* всегда,
Чтоб *осеняла осень* мыслью зрелой.

Такого рода факты “поэтической этимологии” существенны и для идиостилей Асеева, Прокофьева, С.Маркова, Л.Мартынова, В.Берестова, В.Сосноры и ряда других поэтов [Ср. типичный пример: “Выходила *тоненькая-тоненькая*, | *Тоней* называлась потому” (Прокофьев). Другие факты см. *Григорьев В.П.* Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965, 22 и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977; Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973, 139]. Но в общей массе примеров “поэтические этимологии” составляют теперь все менее существенную часть материала, а на первый план выдвигается синхронно-семантический аспект паронимии [В книге для детей (*Сулов В.* Трудные буквы. Л., 1975), естественно, обнаруживается — в случаях паронимии — более жесткая, чем во взрослой поэзии, установка на соответствие буквы и звука; ср. “Перепелки с перепугу | Перепутали друг друга” и под. Но и там не всегда выдерживается орфографическое тождество “основ” (*висюльки — весны* и т.п.)]. Роль реальной, хотя и своеобразной “этимологической памяти” и — соответственно — реэтимологизации (*Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика. // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976, 171) применительно к паронимии было бы опасно переоценивать: как говорил Хлебников, “пусть сравнительное языкознание придет в ярость” (*Хл V*, 189).

(3) Паронимический контекст должен содержать тем не менее известную образную мотивировку сближения паронимов и обеспечить им функционально-смысловую нагрузку в рамках по крайней мере стихотворного фрагмента. В противном случае паронимия остается на уровне глубоких звуковых повторов, а паронимический эффект может быть сведен к “игре словом”, которая сама по себе, конечно, вполне правомерна, но для ПЯ середины XX в. выглядит существенной редукцией функциональных возможностей приема. Такая редукция, вообще говоря, более характерна для тех идиостилей, которые ориентированы не на “сложный”, а на “срединный” стиль ПЯ (ср. строчку *Шла Настенька по настику* у О.Фокиной) [Но ср. у нее же: *Ока окаменела | И Кама — каменна* (сб. “Камешник”, 1973) — и у М.Алигер: *Кама, камень, комары* (“Москва”, 1969, № 6, с. 157; этими примерами я обязан В.В.Пчелкиной и Ю.К.Стехиной). Эти факты указывают, кроме всего прочего, на два дальнейших направления в исследовании паронимии; имеется в виду: (1) специфическое функционирование имен собственных в их паронимических связях с апеллятивами; (2) — особенно важная для теории, но трудная в экспликации — зависимость паронимического эффекта от синтаксической позиции аттрактантов и грамматических связей между ними. Такие подчинительные отношения, как в *Настенька — по настику*, по-видимому, потенциально беднее в семантическом плане паронимии, чем отношения между главными членами или словами в позиции соположения; (3) в еще более широком плане — взаимодействие паронимии и эпитета, паронимии и сравнения, паронимии и метафоры и т.д.]. Не менее важной, а в определенном смысле — ведущей тенденцией является стремление ряда поэтов использовать весьма широкое “тропеическое значение” паронимии на его высших уровнях, возвысить паронимический эффект до символа, выявить у аттрактантов такие эстетические значения, которые могли бы и оторваться от широкого контекста, воплощенные в форму “поэтического фразеологизма”, афоризма, “поговорки”, “пословицы”, способной конкурировать с грибоедовскими, и т. п.

Ср., например, обличение Маяковским советских мещан как *поразительных паразитов*, запомнившиеся К.Чуковскому [См.: *Чуковский К.* Современники. М., 1967, с. 465]. В литературе 20-х и самых последних лет немало случаев паронимического подкрепления метафорического или неметафорического заглавия или подзаголовка. Примеры здесь самые разнообразные: от полуформульной “*Голубой глубины*” в заглавии сб. А.Платонова (1922) [Ср.: “<...> И голуби на голубятне, | И облачная глубина” (Б23). В этом же стихотворении: *И мулы — в мыле*. Другие примеры паронимии у Багрицкого см. *Григорьев В.П.* Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965, 19, здесь в 19.3 и в 19.4.] до сочетания “*Зарницы и зерно*”, вынесенного в заглавие подборки стихов молодого

поэта А.Куницына [См.: Наш современник, 1974, № 11, с. 34—35 (в самой подборке случаев паронимии нет!)]]; от “Ностальгии по настоящему” А.Вознесенского (сб. “День поэзии”. М., 1976, с. 40) до статьи В.Липатова “Настоящее настоящее” [См.: Лит. газ., 2 февр. 1977 г. Показательно, что липатовская паронимия вторична; ср. у Вознесенского: “<...> по настоящему, | что настанет, да не застану”]; от “Вещих вещей” Ф.Кривина (М., 1961) до статьи “И “кольт” стал культом” [Сов. культура, 4 марта 1977 г. (статья Г.Кузнецова)] и информационной заметки “Грани гранита” (“Известия”, 11 нояб. 1974 г.); от сб. Э.Межелайтиса “Алелюмай” [“Это символ, поэтизирующий юность. <...> это магическое слово ассонансно переключается и, пожалуй, даже поэтически рифмуется с другим литовским словом — *лайме*, что означает счастье. <...> А может быть, есть тут и генетическая связь? Не анаграмма ли это?” (Межелайтис Э. От автора.— В его кн.: Алелюмай. Литовская сюита. М., 1970, с. 5—6). Ср. с этим понятие паронимического “ауканья” у Вознесенского (см. об этом Григорьев В.П. Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977) и “братание не схожих по виду корней” в будущем, где “пальмы рифмуются с вязами”, а “людям созвучно добро” (Ю.Левитанский, сб. “Земное небо”, 1963, с. 111)] до подзаголовка “Нелады с “наладкой” в статье Н.Подзоровой (Лит. газ., 13 нояб. 1974 г.) и до “Worte und Werte” — названия сборника филологических статей [Worte und Werte. Bruno Markwardt zu den 60. Geburtstag. Berlin, 1961].

(4) Случайности исторического развития лексики национального языка таким образом поднимаются в паронимии до уровня поэтической семантики, а, как было показано ранее, у многих поэтов становятся весьма существенными элементами идиостилей. Как и авторские метафоры, случаи паронимии не допускают слишком прямолинейного семантического определения, их характерной семантической чертой является диффузность. Но с помощью паронимии оказывается возможным установить неожиданные связи между близкими и далекими тематическими и семантическими полями, минуя то чисто семантическое “правило шести шагов”, которое позволяет исследователю связать два любых слова в составе лексикона (см. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976, 77). Паронимы, уже заранее объединенные в индивидуальном словаре поэта своей материальной близостью, провоцируют, подсказывают, в известной мере предопределяют направление развиваемых поэтом ассоциаций, хотя и не ограничивают его свободы. В ПЯ как целом можно постулировать наличие значительного количества паронимических гнезд и — соответственно - потенциальных “ассоциативных полей”, связанных друг с другом некоторым количеством шагов: от словоформы *ветер* изменением одной согласной через словоформы *вёдер*, *бёдер*, *беден*, *буден* можно перейти к *бубен* и *бубны*, а от каждой из указанных словоформ — к огромному количеству других и т.п. Если учесть возможность и материальных окказионализмов, огромное множество имен собственных, а также все разнообразие “поэтических позиций”, в которых могут оказываться паронимы в текстах, то нельзя не признать колоссальные запасы диффузной экспрессии, открываемые паронимическим аспектом ПЯ [Мы не будем касаться здесь идеи “Словаря паронимов”, который был бы полезен в самых разных отношениях и мог бы строиться как исчисление].

(5) Несомненно, что в “ассоциативном поле” паронимического гнезда связаны друг с другом не просто слова, а слова как экспрессемы ПЯ. “Ассоциативное поле” охватывает всевозможные лексико-семантические и лексико-грамматические варианты отдельных экспрессем, живые деривационные отношения между экспрессемами, а также известные обществу (и конкретному его представителю — поэту, журналисту, оратору и т. д.) “внутренние формы” этих экспрессем (см. § 9—13). Игнорировать заглавие “Ладожский лед” (стихотворение А.Межирова) или строчки Е.Винокурова “Ведь он же хлюст, он холостяк, | Брат Хлестакова” (сб. “Метафоры”, 1972, с. 100), А.Вознесенского “Ах, как тошнит от тебя, тишина!” (сб. “Тень звука”, 1970, с. 247) и т.п. при обращении к соответствующим гнездам не рекомендуется. Это иллюстрирует и очень существенный для ПЯ в целом диахронический аспект.

(6) Конкретные случаи функционально значимого использования паронимии тяготеют к полюсам семантических отношений между словами в системе языка. Словоформы-паронимы в контекстах обычно или “синонимизируются” в своих “эстетических значениях” [Предельный случай паронимической “синонимии” — это “поэтическая этимология” при орфографическом совпадении квазиоснов: *Подымается дымок* (Ахматова) или *дым* — *подымающийся* (Б24); *курс на Курск* (М23; см. Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973) или *замурованный льдами Амур* (Заб47 “В тайге”); *У ангела ангина* (В.Шефнер, сб. “Запас высоты”, 1970, с. 57) или “Какая тут ангина, | Когда тут Ангара!” (Вл. Соколов; см. Лит. газ., 10 сент. 1975 г., с. 4). Ср. также случаи типа *Моросит на Маросейке* (Кирсанов), “основы” в которых совпадают лишь на слух] или противопоставляются как контекстуальные “антонимы”. Ср., с одной стороны, *дочка, дачка* (Маяковский); *скрепера, точно скрипки* (Вл. Соколов, сб. “Смена дней”, 1965); *липкие лапы* | *молвы* (Р.Рождественский, сб. “Необитаемые острова”, 1962, с. 102); *невесомость и несовместимость* (Н.Доризо; см. “Правда”, 9 декабря 1973 г.), а с другой — “*Я романтик* — | не *рома*, | не *мантий*, | не *так*” (Кульчицкий, сб. “Рубеж”, 1973, с. 16; 1939?) [Особо сложный “паронимический композит”. Понятно, что паронимические потенциалы частиц речи в семантическом отношении минимальны. Однако инерция приема в ряде случаев придает им как бы статус квазипаронимии. Ср., например; “*Отчего* от *отчего* порога | Ты меня в кануны роковые

| Под чужое небо уводила, | Поводырка страшная любовь?..” (София Парнок; цит. по: Дзуцева Н.В. “Женская” лирика 20-х годов и споры вокруг нее. // *Метод и стиль писателя*. Владимир, 1976, с. 17). См. также 20.1.]; “<...> Отдирать окопную *коросту*, | Женскую пленяться *красотой*” и “Был новатором, стал нуворишем <...>” (А.Межиров, сб. “Поздние стихи”, 1971, с. 70 и 213); *флаг, а не флюгер* (Е.Евтушенко, сб. “Поющая дамба”, 1972, с. 40) [Ср. в прозе: “Хвала ему [Б. Полевому] и всем его, как говорится, *присным* за исключением *пресных*” (Вал. Катаев; см. “Юность”, 1975, № 6, с. 79)]; “*Одиссей* был умней, *одессита*” (Б.Слущкий; см. “День поэзии”. М., 1974, с. 186); “И проку нет в *упреках* и *обмолвках*” (Б. Ахмадулина; там же, с. 114).

(7) В ПЯ накапливаются формульные сближения паронимов типа *дорога — дорогóй — город, лето — летá — лететь, слезы — слизывать, уста — устал(ый), брезжит — брызжет, воители — ваятели, суровый — Север* и др. под., хотя оппозиция “синонимичность/антонимичность” и множество различных синтаксических и поэтических позиций в стихе позволяют поэтам вновь и вновь прибегать к одним и тем же паронимическим парам, функционально разнообразить их использование.

19.4. Типология паронимии

В предшествующих публикациях мы устанавливали три типа паронимии в русской поэзии XX в. Ниже эта классификация несколько уточняется и расширяется.

(1) Основная масса случаев паронимии относится к **вокалическому** типу. Консонантное (орфографическое) тождество квазиоснов с закрепленным порядком следования консонантов может при этом сопровождаться (чаще всего так и бывает) вокалическими расподоблениями “основ” — своеобразными “чередованиями”, охватывающими и “вокалический нуль”. В сочетании *бабий платок и пилотка солдата* (Тв49 “Свет — всему свету”) словоформы *платок* и *пилотка* соотнесены друг с другом по этому типу: повторяется квазикорень ПЛТК, а конкретные паронимические квазиосновы как бы образуются от него с помощью орфографических “чередований” Ø||и, а||о, о||Ø. Именно с этим типом как безусловно доминирующим в поэзии XX в. приходится соотносить и случаи полного орфографического совпадения “основ” — чистые и предельные случаи “поэтической этимологии” в ее синхронном аспекте: например, для “корня” ЦР — сочетание *ощерившиеся пещеры* (М. Петровых, сб. “Дальнее дерево”, 1968, с. 48; поэма “Карадаг”, 1930), для “корня” РЗБ — *разбегом* и *разбоем* (Н.Тихонов, 1924 “Красные на Араксе”, 1) и т.п. [О коллизиях между паронимией и рифмой, о соотношении между диссонансной рифмой и развитием вокалического типа паронимии и о причинах, которые затрудняют развитие выделяемого ниже консонантного типа см. *Григорьев В.П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977. Общее движение рифмы “от звука к слову”, “от низших единиц к высшим” и “от звуковых ассоциаций к смысловым” (см. *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. М.: Худож. лит., 1973, 19) следует сопоставить с семантически более значимой эволюцией паронимии, а в какой-то мере, может быть, и объяснить ею]

(2) Второй тип можно назвать **метатетическим**. От первого типа его отличает только незакрепленный порядок следования консонантов “корня”. Соотносящиеся “основы” словоформ обнаруживают столь же широкую гамму вокалических “чередований”, а палиндромы типа *ропот — топор* выступают здесь как частный случай. Основную массу примеров иллюстрируют такие факты, как *ворчали овчарки* (Пастернак) [Ср. “*Овчарка* встала *заворчав*” (Хл12, см. НП, 435)], *голос — Логос* или *розги гроз* (Л.Мартынов), *заитопанное шапито* (А.Межиров), *ломота и томление* (Н.Матвеева), *безработица — роботизация* (А. Вознесенский) и др. под., о которых см. наши прежние работы о паронимии [Заглавие стихотворения Вознесенского “Кроны и корни” в них по недосмотру было отнесено к метатетическому, а не к вокалическому типу].

(3) Третий тип, который мы впервые вводим в классификацию случаев паронимии (в результате обсуждения соответствующих проблем с Н.А.Кожевниковой), назовем **эпентетическим**. Он также соотнесен с вокалическим типом, но отличается от него не перестановкой “корневых” консонантов (букв), а включением внутрь “корня” еще одного консонанта. Иллюстрациями могут служить случаи вроде *мастер матерый* (приходит к простому письму) у А.Вознесенского в “Лонжюмо”, *проспекты просек* у Р.Казаковой (сб. “Стихи”, 1962, с. 43), *гордые, как гренадеры* в песне у Б.Окуджавы, а также *нежданная нежность* у Н.Тихонова в “Выре” (1927), “*Поощадят ли площади меня?*” у Пастернака (см. *Жолковский А.К.* К описанию одного типа семиотических систем. Поэтический мир как система инвариантов. // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1976, вып. 7, 38), *смирным смертником* у Е.Евтушенко (сб. “Поющая дамба”, 1972, с. 112), и *замер зуммер* (М.Дудин, сб. “Дорога жизни”, 1968) [Однако двойные согласные (буквы) в таких позициях (а не в экспериментальных соотношениях типа **зуммер-зумзумим*; последнее словечко встречается у Хлебникова), по-видимому, скорее следует рассматривать как варианты одиночных согласных. Мы предпочли бы интерпретировать пример из Дудина как вокалический тип]. Одним примером представим и публицистическую прозу: *недоучка и неудачник* [См.: *Кондрашов С.* В зеркале Уотергейта. // Иностран. литература, 1977, № 1,

с. 242].

(4) Тип, который мы называем **консонантным**, противопоставит вокалическому в том отношении, что здесь используется не вокалическое, а консонантное расподобление “основ” при тождестве остальных консонантов буквенного “корня”, а нередко и при совпадении вокализма “основ”. Так, в сопоставлениях *беременная — переменялась* или “Несли не хоронить — несли короновать” (А.Вознесенский), *отрада* (моя и) *отрава* (Л. Мартынов, 1946) и т. п. мы могли бы соответственно вычленив “корни” РМН, РН и ТР и “чередования” б||п, х||к и д||в [Случай *хоронить — короновать* можно было бы рассматривать и как контаминацию двух типов — консонантного и эпентетического, распространяя “корень” до РН(В)Г]. Однако в таком “чистом” виде этот тип встречается совсем уж редко [Если отвлечься от экспериментов Хлебникова со “звездным языком”]. Впрочем, и в осложненном вокалическими расподоблениями виде (*витрина — ветрило* у Н.Матвеевой в сб. “Душа вещей”, 1966, с. 126 и т.п.) он не получил широкого самостоятельного распространения. В прежних работах автора говорилось о причинах этого в связи с явлением обычной рифмы и о связи диссонансной рифмы с вокалическим типом паронимии.

(5) Наконец, для полноты, можно было бы выделить и еще один тип паронимии — **аугментативный**. Ср. случаи вроде *скандалы точно кандалы* (А.Вознесенский), которые в работе *Григорьев В.П. Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977* были отнесены к консонантному типу. “Чередования” вроде с||Ø в самом деле позволяют трактовать эти случаи и как разновидность типа (4) в принятой здесь последовательности; ср. *опыт из лепета лепит* у Мандельштама (1933) или *стужи — тужить* во “Фронтальной хронике” у Твардовского (1941). Другой разновидностью того же типа оказались бы при этом и случаи с наращением “корня” справа, например, в прозе Мандельштама: “В темной аллее *шуршали* велосипеды — металлические *шерини* парка” (“Египетская марка”) — или во “Вмешательстве поэта” Багрицкого: “И с этой *бандой* символов и знаков | Я, как *биндюжник*, выхожу на драку”. Ср. также многие другие примеры, разъясненные как относящиеся к вокалическому типу. Полезно обратить внимание на возможность различной структурной и типологической интерпретации отдельных примеров. Но вокалический тип паронимии явно господствует в современной поэзии даже в сравнении с метатетическим, не говоря уж об остальных. Поэтому мы не будем заниматься дальнейшей детализацией нашей типологии и обратимся к анализу тех парадоксальных изменений в структуре ПЯ, которые явились следствием “паронимического взрыва” [Укажем, в заключение, попутно и на функционально весьма ограниченные случаи консонантного обмена между словами, не являющимися паронимами. Ср. в пародии на “мистического анархиста” Георгия Чулкова сочетание *кнутренний вризис* (Измайлов А. А. Кривое зеркало. СПб.: Шиповник, 1912, 99)].

§ 20. Квазиединицы в паронимической системе ПЯ

20.0. Слово как единица паронимического фонда ПЯ

Наш анализ будет претендовать не на решение, а на постановку вопроса.

Каждый язык обладает своим, присущим только ему фондом паронимов. Пересечения между такими национальными фондами могут быть значительными (родство языков, интернациональная лексика, языковые союзы), но в обычной практике перевода, когда переводчик сталкивается со случаями использования паронимов, возникают — почти всякий раз — серьезные и часто не преодолимые прямым путем трудности. Так, при переводе с английского цитаты “Так мы понимаем Откровение, а не Революцию” современный критик вынужден был тут же в скобках дать прямую ссылку на оригинальный текст: *Revelation not Revolution* [См.: *Лакшин В.* Герберт Маркузе на карнавале. // *Иностранная литература*, 1971, № 9, с. 252]. Еще сложнее дело обстоит, конечно, при переводе стихотворных текстов [Ср. виртуозные усилия переводчика “Сатирических стихов” Люсеберга (перевод с нидерландского Виктора Топорова — *Иностранная литература*, 1977, № 2, с. 251—253): *а пицца пиццат,- воз поминовеня | воз повиновения | воспоминания; всмятку — в сметане; замаранные — замурованы; мыло — мило; пластилиновые стены Бастилии; картэ — карателя; не ищите цита в такой ницете; перс ей угодил | она уходила Персея; в пирамидоне и в пирамидах; в экстраполяции и суперполяции и т.п.].*

Собственные имена как будто облегчают переводчикам жизнь, но, принадлежа сами по себе к интернациональному фонду, они, конечно, тоже могут вовлекаться в разнообразные и иногда очень сложные и причудливые связи с разнонациональными апеллятивами (см., например, *Григорьев В.П.* Ономастика Велимира Хлебникова: Индивидуальная поэтическая норма. // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976). Русский ПЯ в XX в. широко использовал эти возможности.

В то же время огромная масса паронимов еще не привлекала ничего внимания, хотя, пользуясь языком в самых различных сферах, мы буквально купаемся в “паронимическом море”, но, так сказать, выходим сухими из этой влаги, пока на нее не направлена чья-либо рефлексия. В

железнодорожном расписании и в реальном мире, который ему следует, существуют маршрут и состав, на вагонах которого прикреплены указатели “Саратов — Ростов”). Насколько известно, имя этого “паронимического поезда” не привлекало пока внимания поэтов или прозаиков. Но вообще говоря, нет необходимости искать в действительности объекты такого рода, чтобы представить себе потенциальные запасы паронимической экспрессии в любом ПЯ.

Достаточно взять любую словоформу и подобрать к ней, скажем, по вокалическому типу, реально существующие в языке (и доступные кругозору экспериментатора) паронимы. Поскольку паронимы определяются положительно по формальному признаку, а по семантическому — отрицательно, задача такого подбора, понятно, оказывается несложной. Чтобы не порывать с историей поэзии, возьмем словоформу *лесá* и посмотрим, какие еще двухконсонантные и некоторые другие паронимы, кроме тех, которые привлек в известном примере Хлебников (*леса — лысы — обезлосели — обезлисели*; см. М XII, 24), можно было бы ей сопоставить. Ряд окажется достаточно большим; здесь, в этом паронимическом гнезде, мы найдем словоформы *ласка, лассо, лясы, лоск, лускать* [Ср. в *лоск залускали* у Маяковского (см. Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973, 248).], *лѣсс, плюс, Люся, галс, галстук* и ряд других [Каждая такая словоформа представляет в этом перечне соответствующие лексемы и экспрессы. Чтобы упростить картину, отвлечемся от элементарных дериватов типа *лесной, лесник, облысеть, лосенок, лисий* и т.п.].

Часть из них расширяет консонантный “корень” и тем самым оказывается принадлежащей и к иным гнездам. Но трехконсонантные *лоск, ласка* или *полис*, четырехконсонантные словоформы *полоска, пляска* и т.п. не отделены китайской стеной от двухконсонантных, “исходных” форм (см. § 19), хотя с усложнением консонантного состава, по-видимому, уменьшается возможность поэтической рефлексии, установления ассоциаций между “разноразмерными корнями”, особенно, если “корень” растет не вправо, а влево. Заметно также, что сопоставления **леса — галс* или **лысы — плес* менее богаты потенциальными ассоциациями не только потому, что, скажем, слово *галс* ощущается как заимствованное, не мотивированное системой русского языка, но и потому, что нормативные значения слов *галс* и *плѣс* связаны со всем их консонантным составом (ср. известное *слепит как плѣс* у Пастернака).

Напомним здесь же такие высказывания поэтов. Во-первых: “Отдельное слово походит на небольшой трудовой союз, где первый звук слова походит на председателя союза (практически речь идет о начальных согласных буквах.—В.Г.), управляя всем множеством звуков слова” (*Хл V*, 219); ср. в уточненной редакции: “Первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным” (*Хл V*, 235). Эти утверждения, которые противоречат синхронии русского языка в его научно-лингвистическом понимании, тем не менее существенны с точки зрения “отца современной паронимии” на паронимические соотношения в его своеобразной “поэтической лингвистике”. Поскольку паронимия вообще “антинаучна” в том смысле, что устанавливаемые ею конкретные семантические связи противоречат типовым семантическим отношениям в нормированном языке, лингвистике нет необходимости “приходить в ярость”. Полезнее разобраться в достаточно сложной системе квазиотношений, которую принесла с собой в ПЯ развитая паронимия во всех своих разновидностях.

Во-вторых, уже давно было замечено: “Поэтическую речь живит блуждающий многосмысленный корень.

Множитель корня — согласный звук — показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные — семя и залог потомства языка. Пониженное языковое сознание — отмиранье чувства согласной.

Русский стих насыщен согласными и цокает, и щелкает, и свистит ими. Настоящая мирская речь. Монашеская речь — литания гласных. И вправду, — комментирует поэт поэта, — пословицы, поговорки, прибаутки, загадки — настоящая мирская речь русского народа” (см. *Самойлов Д.* Наблюдения над рифмой. // *Вопр. лит.*, 1970, № 6, 170) [Цит. работа *Мандельштам О.* О поэзии. Сб. статей. Л.: Academia, 1928, 47—48. Исправляем отдельные опечатки]. Здесь внимание поэта обращается на звуки, а не на буквы. Фонетика паронимии — очень интересная область. Нельзя, однако, не видеть, что конфликты между звучанием и написанием паронимов по крайней мере часто, если не чаще всего, разрешаются поэтами в пользу написания. Поэтому мы должны и из этого высказывания извлечь для будущей теории паронимии мысль о “размножении слов” согласными и связать ее с упоминавшейся выше идеей об “арабском корне созвучий”, имея в виду прежде всего “собуквия”.

20.1. Квазиморфемы

Все предшествующее в этой главе и работы *Григорьев В.П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Калинин, 1975, т. 5 (Калин, ун-т) и *Григорьев В.П.* Паронимия. // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977 позволяют сделать попытку эксплицировать понятие квазиморфемы в паронимической подсистеме современного русского ПЯ.

В русском языке (и, очевидно, в любом другом славянском) слишком мало слов, которые поддавались бы последовательному проведению максималистской поэтической идеи “внутреннего

склонения”. Оппозиции *лес — лыс, бок — бык, бабр “тигр” — бобр* трудно продолжить таким образом, чтобы можно было придать каждой из противостоящих в них друг другу гласных устойчивое поэтико-грамматическое значение, сделать эти гласные морфемами — фактами поэтической морфологии. Аналогичных оппозиций, построенных на согласных, в русском языке значительно больше, почему, в частности, и не является заведомо бесперспективной попытка поэтически морфологизовать каждый из консонантов (как это, например, имело место в “звездном языке”). Но хотя идея “внутреннего склонения” и неосуществима, все-таки, поскольку доминирующим пока является вокалический тип паронимии, необходимо обратить внимание на фонетико-морфологическую характеристику возникающих в нем “основ” [Далее мы используем и отчасти переосмысливаем целый ряд понятий, введенных В.Н.Сидоровым, Р.И.Аванесовым и другими членами МФШ, а также Н.С.Трубецким и Г.О.Винокуром. Ссылки при этом будут даваться на издание *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии*. М.: Наука, 1970].

В известном смысле эти “основы” — окказиональные аналоги так называемых основ первой степени в семитских языках [См. *Старинин В.П. Структура семитского слова: Прерывистые морфемы*. М.: Изд-во вост. лит., 1963]. Назовем “основу”, которая обнаруживается у паронимов в художественной речи, квазиморфемой. В ней. следует различать: а) консонантный паронимический “корень” типа ЛС (*леса — лысы*), ПРЧ (*прочь — порочный*), КРСТ (*коросту — красотой*) и т. п.; б) вокалические окказиональные “аффиксы” — “огласовки”, или “диффиксы” (по Старинину), с помощью которых из паронимического “корня” как бы заново создаются поэтом словоформы-паронимы. Обозначим цифрами консонанты “корня”, а любую гласную (в том числе — нуль звукобуквы) в “основах” словоформ, участвующих в паронимии, — знаком э. Тогда общие формулы паронимических “основ”, т. е. некоторых квазиморфем, примут следующий вид:

<-(э)1э2->, <-(э)1э2э3->, <-(э)1э2э3э4->.

Эта запись имитирует способы записи основ в семитских языках и в то же время представляет собой некоторый аналог морфофонематической транскрипции. Прокомментируем эти формулы, перечислив ряд характеристик вокалического типа паронимии. Напомним, что здесь существенны, в частности, такие признаки:

1) нерелевантность для согласных “корня” оппозиции по твердости — мягкости [Ср. обычные факты типа *хлюст—холостяк—Хлестакова* (Винокуров), *по пахоте пехота* (Кульчицкий), *рубин — рябиной* (Коган) и под.]; 2) орфографическое тождество согласных “корня”; 3) тождество их порядка в аттрактантах; 4) наличие у “корня” некоторого размытого и неопределенного, “потенциального” значения; 5) нерелевантность ударения для гласных в “основах”, т.е. эквивалентность сильных и слабых гласных фонем как элементов окказиональной “огласовки” (“диффикса”) [Ср. понятие “куплингов” у С.Левина (*Levin S.R. Linguistic structures in poetry*. The Hague: Mouton, 1964. [First printing: 1962], 33—46), который связывает в “куплинги” или только ударные, или только безударные слоги в случаях аллитерации; паронимию он практически не затрагивает. Но “огласовки” — тоже “куплинги”.]; 6) окказиональность и диффузность каждого “диффикса”, т.е., в отличие от картины, наблюдаемой в семитских языках, невозможность связать “диффиксы”, совпадающие в разных случаях паронимии, с каким-либо определенным грамматическим или словообразовательным значением [Ср., например, “чередование” б||б: *дочка — дачка, бездомен — бездамен и своре — свара*. Материальный параллелизм в “диффиксах” не сопровождается смысловым параллелизмом. Поэтому “склонения корня”, или “внутренней флексии” в собственном смысле слова, здесь по существу нет. Превращения каждой из гласных или их сочетаний в настоящие морфемы не происходит]; 7) открытость “основы” (ср. дефис в нашей транскрипции) [О характеристиках, упоминаемых в пп. 7, 8 и 9, ниже будет сказано подробнее]; 8) остаточные паронимические квазипрефиксы и квазипостфиксы (типа с- и -дар в сближении А.Вознесенским словоформ *кити* и *скипидар*); 9) соотнесенность “корней” и “основ” как производных и непроизводных.

Необходимо, конечно, дополнить и уточнить этот перечень характеристик вокалического типа паронимии. Так, например, напомним, что важно выявить функции различных “поэтико-синтаксических позиций” в стихе и строфе: имеем ли мы дело с непосредственным примыканием паронимов-аттрактантов или с дистантными контактами; с одной и той же строкой или разными строками (иногда даже строфами); реализуется паронимия в эпитетной или сравнительной конструкции; какова здесь роль “анжамбана” и т.п. [Ср. у П.Вегина (“Юность”, 1973, № 6, с. 45) в метафоре-сравнении: *над горячей головней | непутовой головы* (пример, который свидетельствует и об отсутствии четких разграничительных линий между паронимией и некоторыми сближениями однокорневых слов)] Предстоит также выявить сопоставительные паронимические потенции разных частей и частиц речи. Ср. 19.3. Показательно, что в паронимии актуализируются, как бы переводятся в разряд знаменательных и некоторые служебные слова. Конечно, для этого нужны особые условия контекста и незаурядное мастерство; ср. мандельштамовское четверостишие (1937):

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:

Постигается *потом и опытом*
Безотчетного неба игра.

Обычно же собственное “ассоциативное поле” служебных слов почти неощутимо [Любопытен случай “междометной паронимии” у Хлебникова: “Что варишь, | Товарищ? | Из *оха* и *уха* | *Уху*.| Добавь сюда: |—Эх! |—Их! |—Ох!” (вместо *оха*, видимо, следует читать *аха*; см. у него же в поэме “Прачка”: Охала, ухала, ахала!)].

Обратимся к вопросу о границах “основ”. Словоизменительные и словообразовательные постфиксы часто остаются за их пределами, но квазиморфема может и поглощать реальный постфикс. Так, в сближении *ругателей* — *рогатины* мы должны, очевидно, отнести совпадающие сегменты *-ат-* к “основе”, а сближение *бездомен* — *демон* показывает, насколько легко “основа” захватывает суффикс *-ен-*. В *баклажаны* — *отлежали* “основа” <-ЛэЖ->, видимо, не распространяется за счет классного показателя в *-леж-а*, совпавшего со вторым *-а-* в сегменте *-лажа-*. Но в экспериментальном сближении **баклажаны* — *лежанка* “основа” вырастает до <-ЛэЖЭН->. Иначе говоря, “основы”, как правило, являются закрытыми; в то же время известны и неприкрытые “основы” (ср.; у *ангела ангина* и под.). В транскрипции это обстоятельство отражено при помощи круглых скобок для начальной гласной “диффикса”.

Реальные словоформы-паронимы обнаруживают не только общую квазиоснову, но — нередко — и разного рода остаточные квазиаффиксы. Один пример (в *кити* — *скипидар*) был указан выше. Примером “постфикса” может служить и сегмент *-от* в *забью* — *забот*.

Мысленный эксперимент, например, сближение *кити* — *скипидар* последовательно со **скупиться*, **кнд* и **скопидом*, показывает, как “непроизводная основа” <-КэП-> соотносится с рядом “производных” (<-СэКэП->; <-КэПэД->; <СэКэПэД->), как остаточные “аффиксы” соотносятся с реальными аффиксами и как “производная основа” поглощает отдельные значимые и незначимые сегменты словоформ [Анализ более сложных случаев типа *дикарочка* — *дочь Икара* (А. Вознесенский) как будто говорит за то, что остаточные “аффиксы” могут быть обобщены в понятие “конфикса” (ср. **Дакар* и **курочить*; если не рассматривать этот пример в ряду метатез и не приписывать “конфиксу” *д-* — *-очк-* значение второй “основы”)]. Эволюция “звуковых повторов” и развитие паронимии как способа организации поэтической речи приводили к появлению все более длинных “основ”, усложнение звукобуквенного состава которых можно примерно представить в виде цепочки *С>СГ>СГС, ГСС, ССГ>...>ССГССГС* [Ср, например: *прозрачности* — *призрачности* (Кирсанов)]. Отвлекаемся от полуживых еще этимологических связей между этими словоформами]. В синхронии же разного типа “основы” связаны иногда очень сложными отношениями “производности”. При этом действительно можно сказать, что во многих случаях паронимии начальные консонанты словоформ с “непроизводными основами” “приказывают” остальным их сегментам, т.е. функционально — в смысле паронимических потенций — являются господствующими.

Если это так, то, возможно, следовало бы уже с учетом функционирования паронимии, а также в связи с особой “уплотненностью” слова в ПЯ, еще раз вернуться к проблемам членимости слова в общелитературном языке. В самом деле, так ли уж “совсем не членятся морфологически аббревиатуры” типа ВЦИК или ВДНХ (см. *Реформатский А.А.* О членимости слова. // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975, 10)? Аббревиатурный (в широком смысле) принцип структуры слова ПЯ, слова как экспрессы (см. в гл. III о работах Бахтина и др.) позволяет взглянуть и на привычные для лингвиста аббревиатуры и сложносокращенные слова с иной точки зрения, как на некоторую общезыковую модель развития самой паронимии. Не случайно, по-видимому, что бурное распространение этих новых для русского языка способов словообразования и “паронимический взрыв” хронологически сходятся.

Однако, чтобы развивать или опровергнуть эту идею, потребуются согласованные усилия лингвистов разных специальностей.

20.2. Квазифонемы?.. Графофонемы?..

Если аналог “морфофонематической транскрипции” паронимии требует от исследователя анализа каждого из множества разнообразных контекстуальных фактов, то, с точки зрения поэта, с которой нельзя не считаться, в орфографии паронимических словоформ как бы уже дан в готовом виде аналог их “словофонематической транскрипции”, не требующей никаких дополнительных проверочных процедур по сильным позициям для отдельных звуков.

Это до известной степени объясняет, почему поэты так часто “смешивают” звук и букву. Дело в том, что фонологическая система литературного языка не является в паронимии единственно действующей. Неразличение (поэтическая “нейтрализация”) в паронимах твердых и мягких согласных приводит к целой системе преобразований, не отменяющих, конечно, каких-либо закономерностей национального языка, но как бы надстраивающихся над ними и опирающихся прежде всего на письменную фиксацию элементов ПЯ, которая может и подчинять себе их звуковую материю. Обычное для художников слова восприятие звуковой стороны языка в тесной связи с его орфографической закрепленностью требует от исследователей художественной речи

особого понимания. Соответственно необходимо известное смягчение фонологического педантизма, отвлекающегося от специфики письменного художественного творчества.

Так как для поэта орфография слова и любого его звучащего сегмента во многих случаях не менее важна, чем звуковая сторона, орфограммы оказываются существенным, а часто и решающим доводом при установлении паронимических ассоциаций, т. е. парадигматических связей между паронимами [Ср. *Панов М.В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 237]. Не будет, вероятно, большим преувеличением сказать, что, если наша орфография в основном фонологична, то своеобразная “фонология паронимии”, эта квазифонология, поразительно орфографична.

Назовем преобразуемые в паронимии фонемы литературного языка квазифонемами [Существо дела, может быть, более отвечало бы название *графофонемы*, поскольку речь идет о функциональной эквивалентности различных звучаний, обозначаемых на письме одной и той же буквой. Но ясно, что термин *квазиграфемы* здесь не подходит]. Понятно, что для консонантных квазифонем паронимического “корня” вопрос об оппозиции (вопреки орфографии) по твердости/мягкости не имеет смысла. Каждой из таких квазифонем в “корнях”, содержащих больше двух консонантов, могли бы, вообще говоря, соответствовать пять реальных звучаний типа [м], [м’], [мм], [м’м’], [Ø]. Ср.: *замер — зуммер, саваном — саванна, облатками — облаками* и т.п. [Отвлекаемся от реальных ограничений в фонетической системе и от вариативности для литературного языка долгих фонем в редких словах. См. *Панов М.В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 195]

В результате количество согласных квазифонем значительно меньше количества согласных фонем в литературном языке. Оно соответствует количеству “согласных букв” (20). Хочется добавить: плюс Й, т.е. равняется 21; но Й в глазах поэтов — это “полугласная квазифонема”. Поэтому, может быть, и примеры “неорфографической” паронимии с йотом единичны: *синют — иней* (Ахматова), *военный — вой* (Маяковский), *тающая тайна* (Н.Матвеева); ср. также *Каину — раскаяние* (Б.Окуджава), *отстаю постепенно от стаи* (М.Дудин) и некоторые другие [В *горячей горечью* (Луговской, 1932 “Басмач”) сегменты, соответствующие флексиям *-ей* и *-ью*, не входят в паронимические “основы”]. Вероятно в будущем усиление внимания поэтов к йоту как звуку и к Й как квазифонеме.

Паронимические “огласовки” представлены в наших формулах (см. 20.1) в виде э, э ... э, э ... э ... э. Показателем тождества конкретной паронимической “основы” являются не только согласные квазифонемы “корня”, но и квазифонемный ряд гласных. Этот ряд опирается — в принципе, т.е. в пределах паронимического фонда ПЯ, — на чередования любых реальных сильных фонем с любыми слабыми и с фонемным нулем, т.е. на любые известные языку фонемные ряды. Паронимические “чередования” гласных в конкретных контекстах окказионально семасиологизованы как “диффиксы”, как бы заново образующие, уже от консонантного “корня”, определенные словоформы-паронимы.

Если квазифонемный консонантизм много беднее, чем консонантизм литературного языка (“беднее” только квазифонологически!), то количество гласных квазифонем, наоборот, значительно превосходит количество реальных гласных фонем в нормированном языке. Звучания типа [e], [д], [o], [ц]; [э], [э]; [y], [y]; [ы], передаваемые буквами *я, ё, е, ю, ы*, соответствуют отдельным квазифонемам Я, Ё, Е, Ю, Ы, которые в паронимии эквивалентны квазифонемам А, О, Э, У, И (графически: *а, о, э, у, и*). Паронимы *имел — ИМЭЛ* или *метр — мэтр* имеют одну и ту же квазифонему М, но разные квазифонемы Е и Э; т.е. в паронимическом гнезде противопоставлены антифонологически.

В отличие от ларадигмо-фонем и синтагмо-фонем литературного языка гласные квазифонемы в вокалическом типе паронимии не только различают (противопоставляют) отдельные словоформы-паронимы, но в то же время (вместе с согласными квазифонемами “корня”) и отождествляют их как разновидности общей квазиморфемы [Ср. *Панов М.В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 286]. (В “чистом” консонантном типе паронимии аналогично функционируют противопоставления отдельных согласных квазифонем.) [А в “чистом” метатетическом типе (*рпот — топор, голос — Логос* и под.) роль различения и отождествления выполняет мена позиций у консонантов. Оппозиция строчная/прописная буква для паронимии не существенна.]

В вокалическом типе паронимии в отличие от консонантных квазифонем “корня” гласные квазифонемы “диффикса” подчеркивают (если это не случаи полного совпадения “основ”) и “особность” каждого из аттрактантов как относительно самостоятельных лексических и синтаксических единиц (отличающихся друг от друга и как реальные словоформы) и в то же время отождествляют их на более высоком уровне абстракции как члены некоей единой “ассоциативной парадигмы”. При этом каждая гласная квазифонема может реализоваться и “нулем звука”, и “нулем буквы”.

Сближения типа *своре — свара* в сопоставлении с **Суворов*, **соврать*, **сиверко* и т.д. в аналоге “морфофонологической транскрипции” предстают в виде <-СэВэР-> отражающем и “квазифонемные нули”, и нерелевантность ударения, и невозможность конкретно определить на этом уровне квазифонемный состав “диффикса” (“чередования” Ø||Ш||у||о||и и о||а||о||Ø||е выступают в равной мере как дивергенции э), и асимметричность роли гласных и согласных в вокалическом типе паронимии.

Из всего этого следует, что гласных квазифонем в вокалическом типе паронимии не пять, а десять плюс полноправный вокалический квазифонемный нуль, эквивалентный как дивергент остальным гласным квазифонемам, т.е. всего — одиннадцать. Таким образом на паронимическую квазифонологию, на соотношение согласных и гласных квазифонем в вокалическом типе паронимии ПЯ, не распространяется закон Бодуэна, действующий в литературном языке, т.е. тенденция системы гласных к упрощению, системы согласных — к усложнению.

Небезынтересно отметить, что недавний анализ “поэтической деструкции” фонем немецкого языка в позиции рифмы привел исследователя (*Kramer W. Die poetische Destruktion des Phonemischen. // Kommunikationsforschung und Phonetik. Hamburg: Buske, 1974*; может быть, лучше говорить не о “деструкции”, а о трансформации или о “квазифонологическом” в рифме) к таким выводам. 15 “нормальных” гласных фонем здесь сведены к 6 “поэтофонемам”, а 19 “нормальных” согласных — к 14 “поэтофонемам”. Идею “поэтоморфем” применительно к рифме Кремер не развивает, что естественно для исследователя, далекого от идей Московской фонологической школы.

20.3. Квазифонетика и квазиморфемика

Фонетика (не квазифонетика) паронимии, обязанная рассматривать любой вариант любой фонемы (или даже квазифонемы) и как конкретный звук [См. *Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 290* (сноска).], только подтвердит, конечно, закон Бодуэна. Но квазифонетика — это фонетика реальных словоформ и паронимических квазиморфем в одно и то же время, а минимальные единицы для паронимии — это и “волны”, и “кванты”. Лишь вместе фонетика и квазифонетика могут полно описать систему этих единиц [Ср. *Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 291—292*].

“Позицией” для квазифонемы оказывается словоформа в целом [Квазифонема остается, конечно, “дифференциатором” смысла, но одновременно она выступает и как “интегратор” смысла, т.е. паронимического эффекта]. Парадоксальные “фонология и морфология” паронимии, а также “паронимообразование” не столько надстраиваются над фонологией, морфологией и словообразованием литературного языка, сколько особым образом воплощаются в них и в орфографии словоформ художественной речи, а как способы описания — по-своему обобщают паронимическое бытие словоформ.

Поэтому, в частности, нет ничего неожиданного в том, что с точки зрения паронимии несущественно фундаментальное для общей фонологии различие между “архифонемами” Н.С.Трубецкого и “гиперфонемами” В.Н.Сидорова. Неважно, исходим мы из того, что [и] и [ы] — одна и та же или разные фонемы: в паронимии И и Ы выступают как равноправные квазифонемы, полноценные компоненты “огласовок”, дивергенты единого “диффикса” э.

Аналогично дело обстоит и со спором о парах заднеязычных. Ведь оппозицию по мягкости-твердости паронимия просто “снимает” в своих консонантных “корнях”. “Поэтическая филология” выглядит здесь более гибкой и конструктивной, чем профессиональная, которой еще предстоит разобраться в этих фактах. Паронимия — это особый случай такого рода, когда, как показал Р.И.Аванесов, “физически ничего не меняется, все как бы стоит на месте, но функционально происходит перестройка системы и фонологической модели” [См. *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970, 119*].

Фонолог, который сталкивается с нефонетическим чередованием, выводит его в морфонологию или в морфологию. Грамматист изучает нефонетические чередования, супплетивизм основ, варианты морфем в литературном языке или/и в диалекте; фонетические изменения в морфемах сами по себе его не интересуют. Паронимы и в том и в другом случае оказываются “вне игры”.

Поэт лишен неизбежной односторонности ученого — ничего “омертвелого” или “чужого” в ПЯ для него нет, его “епархия” — весь язык, язык в целом. “Центральный вопрос связи фонетики и морфологии”, — по справедливому замечанию А.А.Реформатского, вопрос о тождестве или нетождестве морфем — он решает по-своему, творя новые “морфемы” и “чередования” и окказионально семасиологизируя случайную звуковую близость между словами. Но соотношение *кот — печь* для поэта не может стоять в одном ряду с соотношением *дом — дым* [А для фонолога эти пары равнозначны. См. *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970, 415*]. Наоборот, нормативные чередования типа к||ч, о||∅ или орфографически прикрытые чередования типа [о||А||ъ], [д||т], [с||с’], не мешающие отождествлению морфем, он свободно “дополняет” собственным “чередованием”, скажем, о||е||ы||у||а (*бездомен — демон — бездымен — бездумен — бездамен*) [Неоднократно цитировавшийся нами классический пример паронимии у П.Антокольского], и получает возможность отождествлять абсолютно нетождественное.

Используя случайности исторического развития лексики национального языка, ПЯ с помощью поэтов вырабатывает свою, парадоксальную, с точки зрения литературного языка, “фонологию” паронимии. Непротиворечиво описать и объяснить все возникающие здесь парадоксы тем более трудно, что они почти не привлекали внимания фонологов и филологов вообще, а корпус подлежащих фиксации фактов постоянно пополняется новыми их разновидностями и переходными формами смежных явлений.

Известно, что существуют фонологические варианты морфем. В свое время Трубецкой определял морфонологию как законы и правила морфологического использования фонологических средств (см. *Stankiewicz E. Prague school morphophonemics. // Sound, sign and meaning: Quinquagenario of the Prague Linguistic Cercle. Ann Arbor, 1976 (Michigan Slavic contributions, N 6), 104*). Несмотря на самые различные понимания предмета и задач морфонологии (см. *Реформатский А.А. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах. // Всесоюз. науч. конференция по теорет. вопр. языкознания. Тезисы докладов секц. заседаний. М., 1974; Бромлей С.В. Морфонология и грамматика. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М.: Наука, 1974*), можно поставить вопрос о том, правомерно ли применительно к паронимии говорить о квазиморфонологии. Может быть, именно в обсуждениях морфонологической проблематики удастся прийти к идее, которая позволит, вместо нашей предварительной типологии паронимии, дать единое и вполне адекватное описание паронимических квазиоснов? “Фонемы, чередующиеся в зависимости от грамматических условий, объединяются в морфону” (*Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 207*). А если обнаруживаются “чередования”, зависящие от “поэतिकосемантических” условий? Вправе ли мы ставить вопрос о “квазиморфонемах”? Это — вопрос к фонологам.

Так или иначе, но и в паронимии филология имеет дело с “превращением функционально несамостоятельных сторон речи в функциональные” [*Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 160 (сноска). Речь у М.В.Панова идет об “общей особенности художественных текстов”*]. Поэзия своими средствами как бы дает “синтез синтагматики и парадигматики”, и им тоже, как и в обычной фонологии, “придется заниматься еще не одному поколению языковедов” [*Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967, 293*. Здесь сформулирован один из важнейших выводов московской фонологической школы и перспектива дальнейшего развития фонологии как науки (ср. в словообразовательном плане обсуждение понятия “позиция” в работе *Земская Е. А. О понятии “позиция” в словообразовании. // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975*)].

В лингвистической теории нередко выводят за пределы “языка” в область “литературы” само явление звуковых повторов и — соответственно — паронимии (см. *Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М.: Изд-во МГУ, 1954, 14—15; ср. Поэт и слово: Опыт словаря. М.: Наука, 1973, 57*). Но трудно отрицать, что разнообразные “канонизованные” и “неканонизованные” (оказиональные) “приемы поэтической техники” (*Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. // Вопр. яз., 1963, № 1, 100, 102 и др.*) так или иначе обобщаются в системе данного ПЯ, обнаруживая некоторые собственно лингвистические принципы организации художественных текстов, манифестируя лежащий за ними “код”.

Попытки Л.П.Якубинского и О.М.Брика показать, что поэтической речи присущи некоторые собственные закономерности на фонетическом уровне [См. об этом *Леонтьев А.А. Исследования поэтической речи. // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968, 145—146*. Там же и литература вопроса], не привели к всеобщему признанию ПЯ как относительно самостоятельной данности, как специфической формы национального языка. Изучение рифмы, чаще всего не обнаруживающей особого плана содержания, также не сказалось сколько-нибудь заметно на статусе ПЯ как объекта лингвистического исследования. С другой стороны, “метафора” кажется присущей в равной степени и “языку” и “литературе”; поэтому так легко поделить ее на “лингвистическую” и “литературоведческую”, не заботясь о ведомственном, а не научном характере такого деления. Обращение к паронимии позволяет утверждать, что это — специфическое явление “языка литературы”, обладающее некоторыми парадоксальными, с точки зрения науки о “практическом”, литературном языке, характеристиками не только в плане выражения (квазифонемы), но и в плане содержания (“основы”, “корни”, “диффиксы”, отношения “производности” и собственно семантические отношения между паронимами, “ассоциативные поля” в паронимическом фонде и в контекстах, “парадигмы” и т.д.). Тем самым существование ПЯ как относительно самостоятельной данности получает новые аргументы, а закон Боудэна требует — как со временем всякий закон такого рода — переформулировки с учетом особенностей развития ПЯ.

И наша повседневная речь устроена достаточно сложно, но, как писал Л.Мартынов (сб. “Гиперболы”, с. 181), “Поэзия | Отчаянно сложна <...>”. Паронимия, может быть, особенно наглядно демонстрирует эту сложность поэзии и современного ПЯ. Хотелось бы надеяться, что предложенное описание не противоречит “мудрому афоризму” математика А.А.Маркова: “Модель должна удовлетворять двум требованиям: быть похожей на свой объект и быть проще своего объекта” [Цит. по: *Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970, 91*].

Перефразируя строчки Н.Матвеевой (сб. “Душа вещей”, с. 21), можно сказать: поэты прибегают к паронимии потому, что “между разными звеньями” они “рвутся восстанавливать связь”. Не отрицая ни метафор, ни сравнений, а плодотворно взаимодействуя с ними в контекстах, паронимия в то же время представляет собой как бы более экономный и менее прямолинейный, чем они, способ выявления и утверждения “семантических парадигм” ПЯ и асимметрии между словом и образом.

В самом деле, каждое гнездо паронимов — это материальный внутриязыковой ориентир для ассоциаций: и метафора, и сравнение сами по себе как тропы таких ориентиров в языке лишены.

В паронимии неисчислимо множество возможных ассоциаций оказывается более определенным, его обуславливает конечное множество паронимов одного “корня” [Читатель может теперь сам представить себе потенциальное “ассоциативное поле” на базе более сложного, скажем, трехконсонантного паронимического “корня”, например, ПЛТ. Если ориентироваться на вокалический и метатетический типы, то соответствующее “поле” объединит слова *палить, Пилат, плоть, пальто, политика, пилить, пялиться, петел, лилипут, гольтепа, культяпка, теплый, тополь, тюльпан* и т.д. Насколько удачными и удачливыми в эстетическом отношении окажутся реально избираемые из таких “полей” паронимы и развиваемые поэтом на их основе ассоциации, зависит не от ПЯ как объективной данности, а от меры поэтического дарования, от поэтической смелости и чувства “соразмерности и сообразности”, от “стиля эпохи”, стереотипов и даже от личных вкусов в некоторой среде читателей]. Выявляя “семантические парадигмы”, паронимия отражает связи между денотатами в индивидуально-художественных картинах той действительности, на познание и изменение которой направлено всякое подлинное творчество и которую куда более поверхностно охватывает тот, кто довольствуется лишь стандартным, нормативным языком [Лишь совсем недавно различные “языковые игры” стали предметом серьезного анализа лингвистов (хотя игра как модель творчества была глубоко осознана уже в 20-е годы, а самими художниками слова — много раньше; ср. Кэрролла и известные анализы его словотворчества в работах Панова). Интересную статью *Красильникова Е.В.* “Почему не говорят?” // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975 было бы полезно соотнести с явлениями паронимии (далеко ушедшими от собственно игровой стадии), а игру “Почему не говорят?” можно и паронимизировать].

*

Перечитывая Твардовского, с удовлетворением обнаруживаешь у него в знакомых, казалось бы, строчках явное предпаронимическое напряжение: *двора — надвратной — вдруг* (*Тв67* “Береза”), *душой — дышите* (*Тв67* “Я сам дознаюсь, доищусь...”), “И зимний *пень* березовый | Зальется *пеной* розовой” (*Тв66*) и др. под. Очевидно, такого рода сближения просто не попадали раньше в светлое поле сознания. Но должны ли они попадать туда? Прав ли А.Поп: “Звук должен казаться эхом смысла”? Безусловно ли верен не менее популярный афоризм: “Высшая степень искусства состоит в способности скрыть самую технику искусства” (А.Павлова)? Или надо добавить: в первом тезисе — “не только казаться, но и быть”, во втором — “до поры до времени”? Так или иначе, но в стихотворении, откуда мы уже цитировали паронимический шедевр: “*Прочь* этот страх, расчет *порочный* <...>” (*Тв67*) — мечта поэта, естественно, совпадает с мечтой филолога и каждого нормального носителя ПЯ:

А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

[1979]

Текст дается по изданию:

Григорьев В.П. Поэтика слова. М. 1979, с. 251-299 (Глава 6)